

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.
ЧАСТЬ I.

1906.
ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Именной Высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату.	45
II. Высочайшія повелѣнія	46
III. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. пр.	49
IV. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	82
V. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	86
VI. Определенія основнаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	92
VII. Определенія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію	95
VIII. Определенія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	96
✓ В. М. Истринъ. Изъ области древне-русской литературы. IV (окончаніе)	185
✓ Е. А. Л. Фейербахъ, какъ критикъ идеализма	247
✓ Н. К. Козминъ. Н. И. Надеждинъ и Е. В. Сухово-Кобылина (Евгенія Туръ)	272
✓ Свящ. Д. Н. Якиничъ. Нѣсколько данныхъ о отношеніяхъ православныхъ сербскихъ монастырей Карловицкой митрополіи озъ Россіей	304
✓ В. И. Модестовъ. Венеты	311

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

В. Н. Перетцъ. <i>А. И. Яцимирскій</i> . Славянскія и русскія рукописи румынскихъ библиотекъ. С.-Пб. 1905	332
Е. В. Пѣтуховъ. <i>Д. Нагуевскій</i> . Петръ Целинъ, первый профессоръ Казанскаго университета (1772—1832). Казань. 1904	344
Э. Л. Радловъ. <i>Челанозъ</i> , Г. проф. Введеніе въ философію. Кіевъ. 1905.	366
✓ Н. С. Суворовъ. <i>П. Гидуляновъ</i> . Митрополиты въ первые три вѣка христіанства. Москва. 1905	374
✓ В. П. Бузескуль. Новый источникъ для культурной исторіи начала XVI вѣка	395
— Книжныя новости	409

О Т Д Ъ Л Ъ П О Н А Р О Д Н О М У О Б Р А З О В А Н І Ю .

Н. П. Остроумовъ. Мусульманскіе мактабы и русско-туземныя школы въ Туркестанскомъ краѣ	113
Н. Н. Веригинъ. Къ вопросу о постановкѣ преподаванія закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ	167

См. 3-ю стр. обложки.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

МУСУЛЬМАНСКІЕ МАКТАБЫ И РУССКО-ТУЗЕМНЫЯ ШКОЛЫ ВЪ ТУРКЕСТАНСКОМЪ КРАѢ.

Мусульманская образованность занимаетъ, какъ извѣстно, видное мѣсто въ исторіи культурнаго развитія не только Азіи, но и Европы, и потому казалось бы, что исторія мусульманской школы, какъ разсадника мусульманской образованности, должна быть давно разработана и изслѣдована; на самомъ же дѣлѣ до сихъ поръ не только въ европейской, но и въ азіатской (мусульманской) литературѣ нѣтъ обстоятельнаго историческаго очерка первоначальнаго возникновенія и постепеннаго развитія мусульманской школы и мусульманскаго образованія. Въ „Исторіи педагогике“ К. Шмидта, представляющей собою очень солидный трудъ въ европейской литературѣ по количеству матеріала, отдѣлъ о мусульманской школѣ и мусульманскомъ образованіи изложенъ вообще сбивчиво, во многихъ мѣстахъ голословно и бездоказательно, а въ иныхъ случаяхъ безъ должнаго пониманія авторомъ сущности трактуемаго имъ вопроса ¹⁾. Въ европейскихъ сочиненіяхъ по всемірной исторіи о мусульманской образованности обыкновенно говорится почти исключительно съ общей культурной точки зрѣнія, а о мусульманской школѣ лишь упоминается, какъ о фактѣ ²⁾. Только немногіе ориенталисты послѣдняго столѣтія ³⁾ изу-

---

¹⁾ Нагляднѣе всего это обнаружено авторомъ на стр. 100-й, гдѣ онъ кратко передаетъ содержаніе 39-й (не 39-й, а 46-й) макамы Харари, о чемъ будетъ сказано ниже. Въ „Очеркѣ исторіи воспитанія и обученія“ Л. Модзалевскаго всего одна страница посвящена высшей арабской школѣ. С.-Петербургъ, 1892 года, стр. 207—209.

²⁾ Ср. труды Шлюссера, Вебера и др.

³⁾ Дельфенъ, Хургронье, Миллеръ, Крымскій, Наливкинъ и др.

чали спеціально внутреннюю жизнь нѣкоторыхъ высшихъ мусульманскихъ школъ; но и они не даютъ намъ полнаго историческаго очерка мусульманскаго образованія и не указываютъ на пресметвенную зависимость мусульманской школы отъ еврейско-христіанской. Въ частности, для русскихъ остаются до сихъ поръ неразъясненными многія стороны мусульманской школы въ Россіи, а вслѣдствіе этого, несмотря на многолѣтнюю совмѣстную жизнь нашу съ мусульманами въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, мы все еще очень мало освѣдомлены относительно столь важнаго фактора въ ихъ духовной жизни и довольствуемся невѣрнымъ, одностороннимъ представленіемъ, что въ школахъ мусульманъ учатъ только коранъ и толкованія на него. Не удивительно поэтому, если мы въ своихъ сужденіяхъ о мусульманской школѣ часто впадаемъ въ большія ошибки къ невыгодѣ обѣихъ сторонъ ¹⁾. Сказать правду, русскіе, за единичными исключеніями, почти вовсе не знаютъ мусульманской школы, хотя эта школа вполне заслуживаетъ нашего вниманія къ ней, какъ самобытная школа, вызванная потребностями духовной жизни мусульманъ и въ настоящее время стремящаяся къ разнымъ улучшеніямъ. Среди кавказскихъ, казанскихъ, крымскихъ татаръ въ послѣдніе годы уже замѣчается большое умственное движеніе, выразившееся въ появленіи среди нихъ свѣтской литературы ²⁾, новыхъ учебниковъ и въ желаніи реформировать свою школу ³⁾. Вопросъ о школьной реформѣ считается прогрессивными представителями русскихъ мусульманъ однимъ изъ важнѣйшихъ и нагрѣвшихъ вопросовъ жизни и едва ли не самымъ главнымъ изъ нихъ. Средневѣковая схоластическая система преподаванія въ мусульманскихъ школахъ и старинныя учебныя руководства не даютъ учащимся мусульманамъ необходимыхъ для современнаго человѣка знаній и развитія, а вмѣсто того прививаютъ своимъ питомцамъ отжившіе взгляды и ставятъ учащихся во враждебное отношеніе къ современнымъ наукамъ и формамъ жизни. Вслѣдствіе этого вопросъ о школьной реформѣ въ послѣдніе годы серьезно обсуждался въ періодической та-

¹⁾ Авторъ ст. „Вопросъ о просвѣщеніи татаръ“ Д. А. А.—въ („Русская Школа“, № 7—8, июль-августъ 1905 г.) высказываетъ сужденіе и совѣты, трудно осуществимые. Другой авторъ г. Анастасіевъ самъ сознается, что не знаетъ арабскаго языка, и высказываетъ недовольство на себя по этому случаю („Рус. Школа“ 1893 г., № 12, стр. 134).

²⁾ О современной татарской литературѣ см. статью г. Ашмарина въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* (сентябрь 1905 г.).

³⁾ См. газету Терджуманъ-Переводчикъ, № 52, отъ 5 іюня 1905 года.

тарской печати Россіи и въ частныхъ собраніяхъ татаръ, а въ настоящемъ году въ формѣ петицій былъ заявленъ ими министерству народнаго просвѣщенія и предсѣдателю совѣта министровъ, и притомъ не какъ частный вопросъ прогрессивной татарской партіи, а какъ обще-мусульманскій школьный вопросъ. Поэтому въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года особая коммиссія изъ лицъ, непосредственно знакомыхъ съ инородческою школою въ Россіи, при участіи нѣкоторыхъ профессоровъ восточнаго факультета и чиновъ министерства народнаго просвѣщенія, обсуждала, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра А. С. Будиловича, систему начальнаго образованія для инородцевъ Россіи. Согласно Высочайшему указанію, коммиссія должна была подробно обсудить основные принципы образованія инородцевъ, установленные покойнымъ казанскимъ педагогомъ Н. П. Ильминскимъ, и выработать нормальный типъ начальныхъ и послѣдующихъ школъ для инородцевъ восточной и южной Россіи, Кавказа, Туркестана и Сибири. Живо заинтересованные совѣщаніями названной коммиссіи образованные татары высказывали въ разныхъ газетахъ свои опасенія относительно характера и конечныхъ результатовъ этихъ совѣщаній и тѣмъ еще болѣе подтвердили нашу мысль, что вопросъ объ инородческомъ образованіи въ Россіи имѣетъ въ настоящее время жизненное значеніе. При своей подозрительности татарскіе публицисты не старались проникнуть въ суть дѣла и, подъ вліяніемъ манифеста 17 октября, позволяли себѣ неумѣстную развязность въ печатномъ словѣ, не выясняя сущности столь важнаго вопроса (татар. газеты: Терджиманъ, Каспій и Гяятъ). Предлагаемый просвѣщенному вниманію читателей краткій очеркъ имѣетъ цѣлью познакомить съ исторіей возникновенія начальной мусульманской школы и ея современнымъ положеніемъ, при чемъ будетъ дана характеристика школы Ильминскаго и дѣйствующихъ съ успѣхомъ въ Туркестанскомъ краѣ русско-туземныхъ школъ ¹⁾.

У мусульманъ съ давнихъ поръ извѣстны два рода школъ—*мактабъ*, какъ школа грамоты, и *мадраса*, какъ школа науки. Обѣ эти школы чисто конфессіональныя; общеобразовательной и реально-профессіональной школы у мусульманъ, за исключеніемъ періода рас-

---

¹⁾ При составленіи очерка, мы имѣли въ виду статьи о мусульманскихъ школахъ: А. Анастасіева, Д. А. А—ва и Вл. П. Наливкина (Отч. Турк. учит. сем. за 1888 и 1889 учебн. годъ) и стр. 39—41 Сборника матеріаловъ по мусульманству. Томъ первый (С.-Петербургъ, 1899 г.).

цвѣта мусульманской образованности, не было и въ настоящее время у русскихъ мусульманъ нѣтъ.

Такой односторонній характеръ мусульманской школы объясняется исторіей ея возникновенія и духомъ семитовъ. У мусульманъ, какъ сначала у евреевъ, а потомъ у христіанъ, начальная школа служила не общеобразовательнымъ (гуманитарнымъ) потребностямъ народа, а исключительно *религиознымъ* цѣлямъ. И въ этомъ случаѣ типично выразились основныя особенности духа семитовъ, въ отличіе отъ духа арійцевъ: у семитовъ всегда преобладало религиозное чувство, а у арійцевъ свободный умъ и фантазія; семитъ всегда былъ склоненъ болѣе къ богопознанію, а аріецъ—къ міровѣдѣнію. У грековъ обучали семи „*свободнымъ наукамъ*“, подъ которыми разумѣлись грамматика, риторика, діалектика, арифметика, геометрія, астрономія и музыка. Въ александрійскій періодъ возникли школы грамматиковъ и риторовъ; но эти школы не преслѣдовали практическихъ цѣлей, а предоставленныя частному почину, въ своемъ усугбѣннѣ всецѣло зависѣли отъ способностей своихъ руководителей. Какъ общеобразовательное учрежденіе, древне-греческая школа была вполнѣ народною и свободною и предназначалась для лицъ, свободныхъ отъ физической работы, какъ отдыхъ и развлеченіе. На такой характеръ древне-греческой школы указываетъ самое названіе ея „*σχολή*“, что означаетъ: досугъ, свободное время, отдыхъ, занятіе чѣмъ-нибудь во время досуга и потомъ уже: учебная бесѣда, чтеніе.

У мусульманъ, наоборотъ, съ самаго возникновенія ихъ школы опредѣлилась ея узко-практическая цѣль, въ соотвѣтствіи съ которой начальной мусульманской школѣ было дано названіе „*мактабъ*“, т. е. мѣсто, гдѣ обучаютъ прежде всего чтенію *китаба*¹⁾ (списка корана), а потомъ уже желающихъ письму. Такимъ образомъ, какъ древне-еврейская и древне-христіанская школы, начальная мусульманская школа отличалась исключительнымъ направленіемъ, такъ какъ имѣла прямою своєю задачею научить читать священную книгу (*китабъ*), которая была *писана*, а не печатана (въ буквальномъ смыслѣ—*писаніе*). Впослѣдствіи, уже при халифахъ-оммайдахъ, возникла у арабовъ *высшая* школа—*мадраса*, какъ мѣсто лекцій (*дарсъ*) ученыхъ знатоковъ ислама, трактовавшихъ предъ своими слушателями научныя

¹⁾ Ср. невѣрное объясненіе этого слова у г. Анастасіева въ „Рус. Школѣ“ 1893 г., № 12, стр. 130. На стр. 132 онъ повторяетъ грубую опечатку т. XI Св. Зак., гдѣ напечатано *мюдаррисъ* вмѣсто *мюдаррисъ*.

вопросы мусульманскаго богословія и мусульманскаго права. Словомъ *мактабъ и мадраса* съ самаго появленія своего были школами вѣроисповѣдными, какъ у древнихъ евреевъ и у древнихъ христіанъ, и въ этомъ направленіи развивалось потомъ новое арабско-мусульманское просвѣщеніе, въ отличіе отъ „времени невѣдѣнія“, подъ которымъ разумѣется языческій періодъ жизни арабовъ, именно какъ времена невѣдѣнія истиннаго богопознанія, открытаго арабамъ Мухаммедомъ въ коранѣ ¹⁾. О наукахъ и научномъ знаніи въ этомъ случаѣ не могло быть и мысли, такъ какъ въ коранѣ сообщались исключительно религіозныя, а не научныя истины; самое письмо вошло въ употребленіе въ Аравіи не задолго до Мухаммеда, который, по вѣрованію мусульманъ, былъ пророкъ *неграмотный* ²⁾; въ числѣ его первыхъ послѣдователей было всего нѣсколько человѣкъ, умѣвшихъ писать (Зяйдъ-ибнъ-Тсабитъ, Ибнъ-Масудъ, Ибнъ-Обай, Зобейръ и др.).

По словамъ К. Шмидта, сознаніе столь малой распространенности грамотности среди современныхъ Мухаммеду арабовъ, которымъ была дана св. книга въ законъ, естественно побуждало первыхъ мусульманъ открывать мактабы, въ которыхъ желающихъ обучали чтенію и письму ³⁾; но мы не имѣемъ подробныхъ и точныхъ свѣдѣній о первыхъ учителяхъ и школахъ въ Аравіи и довольствуемся отрывочными данными относительно этого вопроса. При содѣйствіи мѣстныхъ представителей мусульманской учености, намъ удалось узнать два слѣдующіе факта:

а) Послѣ битвы первыхъ мединскихъ послѣдователей Мухаммеда съ жителями Мекки въ 623 году при Бадрѣ, окончившейся пораженіемъ мекканцевъ, многіе изъ нихъ попали въ плѣнъ, и тѣ изъ нихъ, которые могли дать денежный выкупъ за себя, получили свободу, а тѣ, у которыхъ не было средствъ для выкупа, были вынуждены остаться въ Мединѣ. Среди этихъ плѣнниковъ оказались грамотные люди, которымъ и было предложено Мухаммедомъ заняться обученіемъ дѣтей мединцевъ-мусульманъ арабской грамотѣ. Научившіе чтенію и письму 10 мединскихъ мальчиковъ получали свободу и возвращались на родину ⁴⁾.

¹⁾ Коранъ, гл. 3, ст. 148, гл. 4, ст. 21. Ср. Посл. къ Евр. Ап. Павла гл. 9, ст. 7.

²⁾ Коранъ, гл. 7, ст. 156 и 158. На основаніи же гл. 29, ст. 47, можно думать, что ко времени перваго откровенія Мухаммедъ выучился читать. Вейль допускаетъ эту мысль.

³⁾ „Исторія педагогика“, рус. пер., томъ второй, стр. 99.

⁴⁾ Изъ кн. „Маариджу-и-набуватъ“ и „Раузату-с-сафа“.

б) Когда подросли два внука Мухаммеда—Хасанъ и Хусейнъ отъ дочери его Фатимы и зятя Алія, самъ Мухаммедъ пригласилъ для обученія ихъ грамотѣ нѣкоего Мирдаса ¹⁾, имя котораго даетъ поводъ предполагать, что это былъ еврей, принявшій исламъ.

Изъ этихъ двухъ фактовъ необходимо заключить, что начало обученія мусульманскихъ дѣтей арабской грамотѣ и письму было положено въ Мединѣ еще въ первые годы ислама и что евреи, поселившіеся въ Аравіи съ давнихъ поръ, особенно послѣ разрушенія Іерусалима ²⁾, могли принимать участіе въ распространеніи грамотности среди мусульманъ, такъ какъ являлись въ ту пору среди „невѣжественныхъ“ арабовъ образованными представителями новой религіи и, по личнымъ своимъ расчетамъ, могли предлагать къ услугамъ новыхъ владыкъ свою книжную образованность. По организованнымъ школь (мактабъ) въ то время и долго спустя потомъ въ Мединѣ не было, хотя потребность въ обученіи чувствовалась.

При жизни Мухаммеда не было полного списка всѣхъ отрывковъ проповѣданнаго имъ корана, который современники арабскаго пророка читали по памяти; между тѣмъ въ сраженіи при Ямамѣ, случившемся черезъ годъ по смерти Мухаммеда (въ 633 г. Р. Хр.), были убиты многія лица, читавшія коранъ наизусть. Тогда явилось опасеніе, что современемъ и совсѣмъ не будетъ арабовъ, знающихъ ученіе корана. Поэтому Абубекръ приказалъ Зейду-ибнъ-Тсабиту собрать у разныхъ лицъ разрозненные отрывки корана. Но только у немногихъ арабовъ были собственныя записи отдѣльныхъ отрывковъ, а другіе продолжали читать коранъ по памяти. Такъ получились варианты въ чтеніи св. книги, порождавшіе разногласія, особенно въ войскахъ разныхъ областей, что и побудило третьяго халифа Османа собрать всѣ частныя записи корана и составить изъ нихъ одинъ общій списокъ, который былъ объявленъ каноническимъ, а всѣ отобранныя у частныхъ лицъ списки корана были уничтожены ³⁾. Чтобы ввести въ общее употребленіе этотъ „османовскій“ экземпляръ корана, необходимо было распространить его списки и учить желающихъ читать ихъ; но сомнительно, чтобы при Османѣ это дѣло имѣло уже опредѣленную организацію, такъ какъ правительству того времени было не до школь: всюду

¹⁾ Изъ кн. „Таджикъ“ и „Аль-фатавиль-Базазіа“ (ч. 2, стр. 98).

²⁾ Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе корана. А. Свѣтлакова. Казань 1875 г.

³⁾ См. наше изданіе „Коранъ и прогрессъ“ и соч. А. Крымскаго „Исторія мусульманства“, часть I и II (Москва 1904 г.).

были смуты религіозныя и политическія, окончившіяся смертью самого Османа, затѣмъ Алія и его сыновей и переменнѣю правящей династіи. Утвердившіеся въ халифатѣ оммаяды также не могли сразу установить внутренній порядокъ и дать толчокъ школьному дѣлу, такъ какъ первые годы ихъ правленія были очень безпокойны и сопровождались кровопролитными усобицами, во время которыхъ гибли непосредственные участники исламскаго движенія. Такъ, при Мерванѣ I, войско котораго должно было осадить Медину, близъ Харры ¹⁾, 26-го августа 683 года, произошла жестокая рѣзня, въ которой были убиты семьсотъ мусульманъ, знавшихъ коранъ наизусть, и въ томъ числѣ 80 мединцевъ, такъ называемыхъ „асхабовъ пророка“, то есть самовидцевъ Мухаммеда. Потеря для неутвердившагося еще ислама огромная и невознаграждаемая... Въ этотъ - то тревожный періодъ ожесточенной борьбы оммаядовъ съ внутренними врагами (хариджитами) въ первый разъ встрѣчается въ исторіи ислама опредѣленное указаніе на существованіе въ Таифѣ (небольшомъ городкѣ близъ Мекки) бѣднаго школьнаго учителя, по имени Аль-Хаджаджъ-ибнъ-Іусуфъ (изъ племени Тсакифъ), умершаго въ 95 г. гаджры (714 г. по Р. Хр.). Профессоръ В. В. Бартольдъ сообщилъ намъ по этому поводу, что и отецъ Хаджаджа былъ также учителемъ и что Хаджаджъ ходилъ къ мальчикамъ селенія по утрамъ и вечерамъ и училъ ихъ ²⁾. Но замѣчательно, что Хаджаджъ не какъ учитель пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность въ исторіи ислама, а какъ отважный воинъ и еще болѣе какъ рѣшительный правитель въ должности намѣстника халифа Абдуль-Малика въ Иракѣ. Очевидно, учительская дѣятельность въ Таифѣ, соединенная съ матеріальною необезпеченностью, не удовлетворяла пылкой и широкой натуры Хаджаджа, и онъ принялъ предложеніе визиря Раухъ-бенъ-Зинбага, поступилъ въ его отрядъ и скоро обратилъ на себя вниманіе халифа Абдуль-Мелика, который назначилъ его на самостоятельный и отвѣтственный постъ намѣстника ³⁾. Религіозная ревность, свойственная учителю вѣроисповѣдной школы, и нѣкоторое самообразование помогли Хаджаджу такъ замѣтно выдвигнуться среди областныхъ правителей того времени. Военно-административный талантъ его былъ настолько выдающимся, что возбуждалъ въ

¹⁾ Предиѣстье Медины.

²⁾ Арабская хрестоматія Гиргаса и Розена, вып. I, стр. 169 и 170.

³⁾ Столь рѣзкая перемена въ общественномъ положеніи Хаджаджа не должна удивлять насъ, такъ какъ въ то время въ Аравіи не было установлено классовыхъ различій.

современникахъ зависть. Но хотя завистники и укоряли Хаджаджа его прошлымъ ничтожнымъ положеніемъ бѣднаго учителя въ Таифѣ, однако онъ и въ новомъ положеніи своемъ намѣстника Ирака не забылъ народнаго образованія и ревностно заботился о распространеніи повсюду стиховъ корана, что въ Иракѣ было особенно важно, такъ какъ упрочивало тамъ арабское владычество. Въ этомъ направленіи Хаджаджъ дѣйствовалъ на самого халифа Аль-Валида (86—96 гижры=705—715 по Р. Хр.), которому арабы обязаны, какъ говоритъ историкъ А. Мюллеръ, учрежденіемъ *первыхъ* мусульманскихъ школъ¹⁾.

Былъ ли Хаджаджъ до своего призванія на постъ начальника отряда въ 692 году для осады Мекки учителемъ правительственной школы—неизвѣстно; скорѣе нужно предполагать, что въ то время въ Аравіи школы еще не были организованы и что главная задача начальной школы сводилась, какъ и въ древней Руси, къ простому обученію дѣтей грамотѣ въ цѣляхъ правильнаго и толковаго чтенія священной книги, а затѣмъ уже отъ способностей и личныхъ склонностей учителя зависѣло расширить школьную программу сообщеніемъ учащимся такихъ знаній, которыя способствовали болѣе тонкому пониманію арабскаго языка въ связи съ трудностями арабскаго письма. Определеннаго учительскаго сословія сначала также не было въ Аравіи и не могло быть; обученіе грамотѣ и письму составляло свободную профессию, и учителемъ могъ быть всякій способный для этого дѣла: прежде всего имамъ и муаззинъ, писецъ и секретарь казія и другіе грамотные люди, если они чувствовали къ тому расположеніе²⁾. Заслуга Хаджаджа для арабской школы состояла въ томъ, что онъ, сдѣлавшись при халифѣ Аль-Валидѣ вліятельнымъ правителемъ Ирака, внушилъ халифу мысль сдѣлать школу учрежденіемъ государственнымъ.

Что задача начальной арабской школы ограничивалась обученіемъ правильному и толковому чтенію корана въ связи съ умѣньемъ писать священный текстъ, подтверждается слѣдующими словами историка А. Мюллера:

„Со временъ Османа коранъ переписывался тщательно и добросовѣстно, а на возстановленіе его съ теченіемъ времени обращалось

¹⁾ А. Мюллеръ. История ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. Н. А. Мадникова; томъ второй. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 72.

²⁾ Изъ примѣра Хаджаджа видно, что учительская профессія переходила отъ отца къ сыну, какъ это и до сихъ поръ бываетъ среди мусульманъ въ Россіи.

еще болѣе вниманія; однако, не слѣдуетъ при этомъ забывать, что арабскія письменна находились еще тогда въ состояніи несовершенства и давали поводъ на каждомъ шагу ко всякаго рода разногласіямъ. Достаточно сказать, что писали однѣ только согласныя. Представьте себѣ, напримѣръ, на русскомъ языкѣ звуковую группу хотя бы изъ согласныхъ „гл“, и сразу же явится сомнѣніе, какъ читать: голь, голо, голъ, гиль, гуль, гуль и т. д. Затѣмъ добрая половина первоначальныхъ арабскихъ согласныхъ до такой степени были схожи одна съ другой, что явилась новая трудность отличать тождественныя очертанія. Если бы по-русски, напримѣръ, буквы с, т, л, н, б, писались почти одинаково, какая путаница произошла бы при чтеніи словъ, состоящихъ изъ этихъ звуковъ, — пришлось бы не читать, а отгадывать. Въ довершеніе всего вначалѣ не было и помину объ употребленіи знаковъ препинанія, не существовало и прописныхъ буквъ. Трудненько было разбираться во всемъ этомъ природному арабу, но затрудненія удесятерились для иноязычныхъ новообращенныхъ, которымъ, сверхъ того, приходилось бороться съ трудностями необыкновенно запутанныхъ правилъ арабскаго языка. Дабы пособить злу, придумали въ Басрѣ изображать гласныя точками и черточками, ставя ихъ внизу и сверху согласныхъ, а похожія начертанія согласныя отличались подобнаго же рода знаками: начало этому положили уже сирійцы, отъ которыхъ первоначально и заимствована была арабская азбука. Говорятъ, самъ Хаджаджъ допустилъ введеніе этихъ пояснительныхъ знаковъ, конечно, не какъ воспоминаніе о прежнемъ своемъ учительскомъ званіи: надо было прекратить разъ навсегда всѣ споры о правильности чтенія отдѣльныхъ мѣстъ корана, въ видахъ вящаго поощренія покровительствуемому богословскому направленію. Во всякомъ случаѣ, это нововведеніе въ тѣ времена получило сразу широкое распространеніе, какъ неизбежное подспорье. Между тѣмъ правильная разстановка различныхъ точекъ въ письмѣ требовала, конечно, основательнаго изученія языка; но приобрѣсть это знаніе для того, чтобы при этомъ достигъ прежде всего возможности изучить слово Божіе, было въ сущности громаднымъ трудомъ для всѣхъ не всосавшихъ съ материнскимъ молокомъ арабскаго языка; особливо было это тяжело для новообращенныхъ персовъ, составлявшихъ въ Басрѣ большинство мусульманскаго населенія. Поэтому они и постарались для правильнаго, насколько были въ силахъ, чтенія слова Божія придумать всевозможнаго рода лингвистическіе законы. Такимъ образомъ, совмѣстно съ искусствомъ чтенія

корана, которое и само по себѣ, при возможности разночтеній, требовало точнаго изученія, возникла совершенно естественнымъ путемъ и арабская грамматика¹⁾.

Въ настоящее время мы не можемъ возстановить полной картины обученія въ древней арабской школѣ, но можно съ вѣроятностью предполагать, что на первомъ планѣ въ этой школѣ стояло искусство чтенія, необыкновенно затрудняемое особенностями арабскаго алфавита съ его диакритическими точками, надстрочными и подстрочными знаками, которые и при наличности ихъ въ текстѣ пестрятъ въ глазахъ и утомляютъ вниманіе; при отсутствіи же этихъ точекъ и знаковъ отъ учащагося требуется самое напряженное вниманіе и необыкновенно быстрая сообразительность. Учащемуся въ начальной арабской школѣ, чтобы овладѣть вполне механизмомъ чтенія любого текста, необходимо было столь отчетливо владѣть своимъ роднымъ языкомъ, какъ мы не можемъ себѣ вообразить. Такая трудность дѣла въ данномъ случаѣ обусловливалась не только названными выше знаками и точками, но и тѣмъ, что въ арабскомъ алфавитѣ существуютъ буквы, сходныя по начертанію и разныя въ произношеніи, а также буквы, разныя по начертанію, но сходныя въ произношеніи. Кроме того, по свойству арабскаго письма, нѣкоторыя буквы въ произношеніи удвояются съ совершеннымъ измѣненіемъ смысла въ словѣ, не говоря уже о случаяхъ сліянія разныхъ буквъ въ извѣстныхъ словахъ. Имѣя въ виду нашъ русскій простой и отчетливый алфавитъ, нельзя составить настоящее представленіе о трудности обученія дѣтей арабскому чтенію и письму, такъ какъ, при всѣхъ указанныхъ графическихъ особенностяхъ арабскаго письма, богатый языкъ арабскій отличается своеобразными стилистическими особенностями. Только до нѣкоторой степени мы можемъ оцѣнить всю нелегкость обученія дѣтей въ арабской школѣ по сохранившемуся до нашего времени описанію экзамена въ одной изъ такихъ школъ. Арабскій поэтъ Абу-Мухаммедъ-Касымъ-ибнъ-Харрири (ум. въ 1021 г. по Р. Хр.), въ 46-мъ своей „макамѣ“ рассказываетъ²⁾, что Харрисъ-ибнъ-Хаммамъ встрѣтилъ въ Хамсѣ пожилого учителя, у котораго обучалось 10 мальчиковъ. Поздоровавшись съ учителемъ,

¹⁾ *А. Мюллеръ*. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Н. А. Мѣдника. С.-Пб. 1895 г. Томъ второй, стр. 77—78.

²⁾ Макаматуль-Хамсіл.

Харисъ объяснилъ ему, что хочетъ послушать отвѣты его учениковъ, и сѣлъ рядомъ съ учителемъ. Тогда учитель сдѣлалъ знакъ палочкой ¹⁾ старшему ученику и приказалъ ему сказать стихотвореніе, въ словахъ котораго не было бы ни одной буквы съ точками. Ученикъ въ одинъ прыжокъ, какъ левъ, придвинулся къ учителю, присѣлъ на колѣни и прочиталъ 10 двустижій, состоящихъ изъ буквъ безъ точекъ, и всѣ съ одинаковой римой на слогъ *ааъ*. Учитель сказалъ ученику: „ты, моя луна, хорошо прочиталъ“...

Потомъ онъ сказалъ другому ученику: „огонекъ мой! подсядь поближе“. Ученикъ безъ замедленія придвинулся впередъ, и учитель приказалъ ему сказать стихи, похожіе на молодуху, т. е. состоящіе изъ буквъ, украшенныхъ точками. Ученикъ заострилъ камышинку, подравнялъ ея концы, положилъ на колѣни бумагу и написалъ шесть двустижій съ римой на слогъ *ии*. Когда учитель просмотрѣлъ написанное, то сказалъ ученику: „да подастъ тебѣ Господь милости многочисленныя, какъ степныя газели, и обильныя, какъ масло изъ Зяйтуна (маслина)“.

Потомъ учитель позвалъ третьяго ученика, сказавъ: „Эй, Кутрубъ!“ ²⁾ Передъ учителемъ появился мальчикъ, какъ „звѣзда среди ночной темноты“, или какъ „бѣлый мраморъ“. Учитель приказалъ ему написать стихотвореніе изъ смѣшанныхъ буквъ, т. е. съ точками и безъ точекъ, и безъ нарушенія очереди въ нихъ. Ученикъ взялъ перо и написалъ пять двустижій, въ которыхъ чередовались буквы съ точками и безъ точекъ въ строгомъ порядкѣ, т. е. одно безъ точекъ, другое—съ точками, третье опять безъ точекъ и т. д. Тогда учитель сказалъ ему: „Да не высохнетъ рука твоя!“, т. е. пусть она всегда также легко пишетъ стихотворенія...

Затѣмъ учитель позвалъ слѣдующаго ученика, сказавъ: „Эй, храбрый красавецъ!“ Учитель приказалъ ему написать стихотвореніе, состоящее изъ сходныхъ словъ, но различающихся по смыслу. Ученикъ взялъ готовое перо и безъ остановки написалъ пять двустижій. Учитель просмотрѣлъ написанное и, обративъ вниманіе на смыслъ, одобрилъ стихи и сказалъ ученику: „и твоя рука пусть не высохнетъ! И благоуханіе твое пусть не теряетъ своего аромата!“

¹⁾ Это, очевидно, прототипъ тѣхъ палокъ, которыя до сихъ поръ употребляются въ мактабахъ. Обыкновенно учитель касается головы того ученика, котораго хочетъ спросить.

²⁾ Съ этимъ именемъ извѣстенъ арабскій грамматикъ. Слово „кутрубъ“ означаетъ человѣка, отличающагося быстрымъ соображеніемъ.

Еще призвалъ учитель одного ученика и сказалъ ему: „прочитай такое стихотвореніе, двустипшія котораго начинались и оканчивались бы одинаковыми словами“. Ученикъ тотчасъ произнесъ два двустипшія съ одинаковыми словами въ началѣ и концѣ. И сказалъ ему учитель: „хорошо ты прочиталъ, мой хитрецъ: ты и у другихъ обобралъ дарованія“... Потомъ учитель сказалъ ему: „придумай такое стихотвореніе, въ которомъ бы встрѣчалась буква *синъ* (мягкое *с*), въ произношеніи похожая на *садъ* (твердое *с*)“. Ученикъ произнесъ четыре двустипшія съ мягкимъ *с*, въ которыхъ вмѣсто мягкаго *с* можно бы поставить твердое *с*. Учитель одобрилъ и сказалъ: „ты острякъ, ты подобенъ трубачу, находящемуся впереди войска“.

Потомъ учитель сказалъ: „Эй, ты, левъ! подходи поскорѣе и прочитай стихи, въ которыхъ *садъ* (твердое *с*) похоже на *синъ* (мягкое *с*)“. Ученикъ, какъ молодой левенокъ, подпрыгнулъ къ учителю и безопибочно прочиталъ пять двустипшій съ твердымъ *с*. И сказалъ учитель ученику: „сынъ мой! Да сохранить тебя Господь отъ всякаго зла! Ты—свѣтъ для обоихъ глазъ моихъ“.

Вызвалъ учитель еще одного ученика, который съ легкостью шахматной маленькой фигуры и съ быстротой соколиного полета очутился около учителя. Учитель приказалъ ученику: „Прочитай такое стихотвореніе, въ словахъ котораго удерживался бы одинъ и тотъ же смыслъ, хотя бы въ нихъ были буквы *садъ* и *синъ* (твердое и мягкое *с*)“. Ученикъ поднялся на ноги, сдвинулъ полы своего халата и, отставивъ руки, прочиталъ два двустипшія, какія требовалъ учитель. И сказалъ ему учитель: „ты хорошо прочиталъ, мой малышъ, какъ глазокъ мухи!“

Еще позвалъ учитель одного ученика и сказалъ: „О, сынъ слона, умница!“ Ученикъ отвѣтилъ: „Я готовъ“. Этотъ мальчикъ былъ красивъ, какъ чистое яйцо полевой птицы. Учитель спросилъ его: „какія гласныя бываютъ въ концѣ *слабыхъ* глаголовъ?“ Ученикъ сказалъ: „Слушай! Пусть не будутъ глухи уши твои, а лучше пусть оглохнуть твои враги!“ и прочиталъ три двустипшія, въ которыхъ встрѣчаются слабые глаголы. Учитель остался доволенъ ученикомъ.

Наконецъ учитель вызвалъ еще одного ученика, сказавъ: „Эй, голосистый умникъ!“ Къ учителю подошелъ мальчикъ, болѣе пріятный на видъ, чѣмъ вечерній огонекъ для утомленнаго дорогой путника, спѣшащаго къ отдыху. И сказалъ учитель: „прочитай стихотвореніе, въ словахъ котораго встрѣчалась бы буква *изы*, и не смѣшивай ее съ буквой *идъ*“. Ученикъ, обрадовавшись такому заданію, прочиталъ

13 двустипшій. Довольный учитель пожелалъ ученику, чтобы зубы ¹⁾ его не ломались и чтобы враги его не видѣли пользы. „Ты—чистый ребенокъ, и я научилъ тебя чистому знанію“.

Затѣмъ учитель, обратившись ко всѣмъ десяти ученикамъ своимъ, сказалъ: „я изощрилъ ваши способности, какъ острые пики. Не забывайте меня, и я не забуду васъ. Говорите обо мнѣ хорошее, а дурного не говорите“ ²⁾).

Слышавшій всѣ отвѣты учениковъ Харисъ-ибнъ-Хаммамъ, не узнавъ учителя, удивился, что такой простоватый на видъ учитель могъ такъ хорошо научить арабской стилистикѣ своихъ учениковъ. Онъ осматривалъ его съ головы до ногъ и не узналъ, кто онъ такой, хотя потратилъ на это много времени. Учитель догадался, что его не узналъ посѣтитель, и въ свою очередь взглянулъ съ улыбкой на гостя и сказалъ: „въ этомъ мірѣ нѣтъ ни одного человѣка, который что-нибудь знаетъ бы, не будучи наученъ другимъ“. Тогда гость догадался, что передъ нимъ извѣстный своею ученостью Абу-Зяйдъ-Сурруджи. Харисъ побранилъ учителя за то, что онъ живетъ среди простоватыхъ жителей и занимается маловажнымъ дѣломъ. Абу-Зяйдъ обидѣлся и покраснѣлъ съ досады, но потомъ овладѣлъ собой и произнесъ три двустипшія. Въ одномъ изъ нихъ было сказано: „если поймать дикаго осла и привязать на площади, на виду у людей, то что въ этомъ пользы для дикаго осла (намекъ на свободнаго человѣка, обладающаго знаніемъ и не предлагающаго его на пользу другимъ). Поэтому—сказалъ учитель—и я живу среди простоватыхъ людей и занимаюсь съ ними такимъ ничтожнымъ дѣломъ (иронія)“. Затѣмъ Абу-Зяйдъ сказалъ своему случайному критику: „слушай, что я тебѣ скажу: учительство—дѣло хорошее и занятіе высокое, потому что приноситъ большую пользу другимъ. Учитель подобенъ царю, которому повиняются его подданные; учителя боятся его ученики и исполняютъ его приказанія. Учитель подобенъ также богачу, который помогаетъ неимущимъ. Но только учитель не долженъ гордиться своими знаніями; иначе онъ уподобится глупцу. Равно онъ не долженъ уподобляться и дѣтямъ. Такихъ хорошихъ словъ тебѣ никто не скажетъ“,—закончилъ учитель.

Тогда Харисъ сказалъ: „клянусь, что въ наше время нѣтъ дру-

¹⁾ Въ произношеніи буквъ *изим* и *задъ* участвуютъ зубы.

²⁾ Стоитъ сравнить описаніе этого экзамена въ Исторіи педагогики К. Шмидта, т. 2, стр. 100.

гого, столь умнаго человѣка, какъ вы. Вы всѣмъ извѣстны. Вы—чародѣй, направляющій умы людей. Вамъ облегчилъ Богъ искусство краснорѣчія...“ Такъ познакомился Харисъ съ Абу-Зяйдомъ и, не разлучаясь съ нимъ, научился у него разнымъ знаніямъ и, когда простился съ нимъ, опечалился отъ разлуки съ нимъ ¹⁾).

Такимъ образомъ въ макамъ Харири мы имѣемъ описаніе высшаго предѣла школьныхъ знаній, какія дѣти арабовъ пріобрѣтали въ арабскомъ мактабѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы познакомились съ симпатичными чертами характера самого учителя: его скромностью, любовью и ласкою къ ученикамъ и доброжелательностью къ необразованному населенію, а также со взглядомъ его на образовательное значеніе школьнаго дѣла вообще. Долголѣтняя школьная практика утвердила въ арабскомъ населеніи приемы обученія въ мактабахъ, которые распространялись потомъ по мусульманскимъ странамъ, видоизмѣняясь сообразно мѣстнымъ условіямъ. Наши туркестанскіе мактабы развивались уже подъ вліяніемъ не только древне-арабскихъ, но и послѣдующихъ персидскихъ школъ. Въ цѣляхъ религіозныхъ въ мактабахъ нашихъ сартовъ обучаютъ дѣтей арабскому и персидскому языкамъ, основнымъ догматамъ вѣры и главнымъ обрядовымъ правилами.

Подобно тому, какъ у древнихъ евреевъ начальная школа существовала при синагогахъ, а у древнихъ христіанъ при церквяхъ, и у сартовъ въ Туркестанскомъ краѣ мактабы обыкновенно существуютъ при мечетяхъ, хотя въ богатомъ кварталѣ-приходѣ можетъ быть и частная школа ²⁾). Въ томъ и другомъ случаѣ мактабъ является *приходскою* школою мусульманской грамоты, которая при исключительно религіозномъ направленіи не даетъ своимъ питомцамъ надлежащаго духовнаго развитія. Слѣдуетъ отмѣтить полное отсутствіе гигиеническихъ условій.

Подъ помѣщеніе мактаба отводится обыкновенная постройка, не предоставляющая учащимъ самымъ минимальныхъ удобствъ, такъ какъ не даетъ имъ свѣта, чистаго и сухаго воздуха, а въ зимнее время—достаточнаго тепла. Проходя по улицъ, можно догадаться

¹⁾ Было бы въ высшей степени желательно имѣть русскій переводъ этой макамы.

²⁾ Всѣхъ мактабовъ въ пяти областяхъ Туркестанскаго края считается около семи тысячъ, а число учащихся въ нихъ дѣтей болѣе семидесяти тысячъ. Но цифры эти не могутъ считаться точными; въ дѣйствительности учащихся въ мактабахъ должно быть больше.

о мѣстѣ школы только по гулу дѣтскихъ голосовъ, выкрикивающихъ свои уроки, при чемъ не сразу можно найти входъ въ школу. Къ счастью для учащихся въ мактабѣ дѣтей сартовъ, туркестанскій климатъ даетъ имъ возможность свободно дышать воздухомъ подъ открытой съ двухъ и даже съ трехъ сторонъ террасой, съ ранней весны до поздней осени (съ марта-апрѣля до октября-ноября). Въ осеннее и зимнее время учащіяся дѣти сидятъ въ закрытомъ помѣщеніи и испытываютъ недостатокъ свѣта, за отсутствіемъ оконъ, а за неизбѣиємъ топки въ комнатѣ—холодъ и сырость. При этомъ грязь отъ обуви и пыль отъ войлочныхъ подстилокъ, на которыхъ сидятъ ученики, еще болѣе увеличиваютъ недостатки обстановки мактаба въ гигиеническомъ отношеніи и обуславливаютъ наличие глазныхъ и назожныхъ болѣзней у многихъ учащихся дѣтей. Осенью и зимой свѣжія, здоровыя дѣтскія лица рѣдко встрѣчаются въ мактабахъ. Этому способствуетъ также посадка учениковъ въ мактабѣ съ поджатыми подъ себя ногами и раскачиваніе туловища учащихся во время бессмысленнаго затверживанія ими непонятныхъ словъ учебника на чуждомъ языкѣ.

Учителемъ школы (дамулла) обыкновенно бываетъ приходскій имамъ, часто самъ мало свѣдущій и мало образованный человѣкъ. За отказомъ имама, обученіемъ въ мактабѣ занимается суфи (азанчи), который еще менѣе ученъ и менѣе развитъ, чѣмъ имамъ. Учителемъ можетъ быть также грамотный человѣкъ изъ другого прихода. Во всѣхъ случаяхъ это не педагоги, такъ какъ никакой педагогической подготовки эти лица не получаютъ и педагогію понимаютъ исключительно съ точки зрѣнія вынужденнаго заработка скуднаго пропитанія себѣ. Состоятельные туземцы обученіемъ грамотѣ не занимаются, хотя бы и были къ тому способны.

Методическихъ руководствъ по начальному обученію у мусульманъ нѣтъ. Единственное сочиненіе въ этомъ родѣ, на персидскомъ языкѣ, подъ названіемъ „*Матляу-ль-улюмъ*“, не каждому учителю мактаба извѣстно и доступно и само по себѣ не вноситъ большого свѣта въ устарѣлую рутину, хотя составитель руководства Али-Ханъ Маджмали далъ своему сочиненію громкое заглавіе „Восходъ знаній“, напоминающее „возрожденіе наукъ“. „Наука о воспитаніи дѣтей, говоритъ Маджмали въ предисловіи, самая благородная. Это—великолѣпный брильянтъ всѣхъ наукъ. Это—высшее искусство, и потому его не нужно смѣшивать съ ремеслами, ибо между ремесломъ и высшимъ искусствомъ такая же разница, какъ между небомъ и землей.

Эта наука выводитъ обладателя своего изъ невѣжества, лѣни, несчастія, гордости и грубости и возводитъ его до благородства, трудолюбія, счастья и милосердія... Родители должны воспитывать своихъ дѣтей съ малолѣтства, такъ какъ наиболѣе сильное вліяніе на дѣтскую натуру можно оказать въ ранніе годы". Въ подтвержденіе своихъ словъ Маджмали приводитъ изреченіе великаго персидскаго поэта и мыслителя Шейха-Саади: „Палеа можетъ гнуться только когда она еще сыра; но какъ только она высохнетъ, то ее уже нельзя согнуть, и тогда она годна только на дрова“ ¹⁾. Маджмали убѣждаетъ родителей не потакать дѣтямъ въ шалостяхъ и дурныхъ поступкахъ вообще, но взыскивать съ нихъ безъ всякой жалости, такъ какъ пусть лучше будетъ ребенокъ бить, пусть онъ плачетъ, чѣмъ останется дурнымъ. Для вящаго поощренія родителей, которые щедро раздаютъ своимъ дѣтямъ шлепки, оплеухи и подзатыльники, авторъ говоритъ, что тѣ мѣста тѣла, по которымъ родители били своихъ дѣтей, на томъ свѣтѣ возсіяютъ небеснымъ свѣтомъ, если это дитя попадетъ въ рай, и во всякомъ случаѣ не будутъ горѣть, если даже дитя очутится въ аду. Въ то же время Маджмали убѣдительно проситъ родителей, чтобы они не запугивали своихъ дѣтей различными чудовищами, такъ какъ трусость можетъ остаться у дѣтей на всю жизнь, а между тѣмъ „храбрость и энергія, по выраженію автора, не малыя добродѣтели“. Особенно убѣждаетъ Маджмали родителей обращать вниманіе на искорененіе въ ребенкѣ пороковъ, ибо пороки, не искореняемые въ ребенкѣ съ дѣтства, будутъ развиваться въ немъ все болѣе и болѣе и поведутъ, наконецъ, къ тому, что изъ ребенка выйдетъ человѣкъ, имѣющій сходство съ человѣкомъ только по внѣшности. Только хорошій, нравственный человѣкъ можетъ называться вполне человѣкомъ. Что толку, если человѣкъ много знаетъ, когда душа его черна, какъ уголь? (Ср. взгляды Песталоцци).

Далѣе авторъ говоритъ о томъ, какъ трудно найти книгу, которая могла бы научить ребенка въ дѣтствѣ читать, а въ юности и зрѣлыхъ лѣтахъ познакомить его съ науками и искусствами. Предлагая для этихъ цѣлей свою собственную книгу, скромный авторъ выражаетъ сомнѣніе, подойдетъ ли трудъ его къ требованіямъ, которые онъ самъ ставитъ въ своей энциклопедіи, и продолжаетъ: „Размышляя однажды о приемахъ преподаванія, какія существуютъ въ Персіи, я пришелъ къ заключенію, что приемы эти имѣютъ боль-

¹⁾ Гулистанъ.

шіе недостатки, ибо наши учащіеся дѣти долгіе годы учатся въ мадрасахъ, убиваютъ свою драгоценную жизнь надъ изученіемъ разныхъ книгъ, и въ концѣ концовъ все это напрасно... Въ видахъ устраненія этихъ недостатковъ въ дѣлѣ нашего преподаванія, я задумалъ составить такую книгу, которая состояла бы изъ двухъ частей, изъ коихъ одна заключала бы въ себѣ приемы преподаванія вообще, а другая—статьи о разныхъ наукахъ, и все это я рѣшилъ изложить наглядно и по возможности кратко, чтобы учащіеся въ короткое время и безъ особыхъ усилій могли войти въ «сокровищницу наукъ». И хотя дѣло это весьма серьезное и трудное, тѣмъ не менѣе я, вѣряя себя милосердію Всевышняго Бога, приступилъ къ составленію сей книги, начиная съ 20-го числа мѣсяца Зиль-Кагда 1261 года гіджры“ (20-го ноября 1845 года по Р. Хр.).

Въ первой главѣ авторъ даетъ такое наставленіе школьному учителю.

„Приступая къ обученію грамотѣ, учитель долженъ показать учащимся буквы персидскаго алфавита, сперва каждую букву порознь, а потомъ въ соединеніи съ другими буквами. Одновременно съ прохожденіемъ буквъ алфавита необходимо показать учащимся особенности буквъ алфавита точно также, т. е. сперва отдѣльныя буквы, а затѣмъ соединенія ихъ. Это будетъ весьма полезно для чтенія учащимися корана и прочихъ книгъ на арабскомъ и персидскомъ языкахъ.

„Да будетъ извѣстно, что таждидъ (удвоеніе буквъ) въ персидскомъ шисъмѣ не употребляется, а если иногда и встрѣчается, то въ видѣ исключенія. Но въ арабскомъ языкѣ таждидъ въ большомъ употребленіи. А такъ какъ въ персидскій языкъ вошло много арабскихъ словъ, то необходимо познакомить учащихся и съ таждидомъ“. Затѣмъ Маджмали совѣтуетъ учителю заставить учащихся выучить наизусть, вмѣстѣ съ значеніями, различныя персидскія слова, состоящія изъ двухъ, изъ трехъ, четырехъ и пяти буквъ. Потомъ слѣдуютъ арабскія слова, состоящія изъ двухъ, изъ трехъ, четырехъ и пяти буквъ. Затѣмъ заучиваются персидскія предложенія, состоящія изъ двухъ и изъ трехъ словъ, а послѣ того заучиваются арабскія предложенія, состоящія изъ двухъ и трехъ словъ. Далѣе слѣдуетъ такъ называемый *абджадъ*, т. е. искусственно сложенные въ порядкѣ буквенной нумерации слова, склоненіе и спряженіе и чтеніе статей въ стихахъ и прозѣ ¹⁾.

¹⁾ См. „Турк. Вѣд.“ № 151 отъ 12 окт. 1905 г. Ст. „Мусульманская энциклопедія“.

Не касаясь второй части названнаго методическаго руководства ¹⁾, нужно сказать, что и для тѣхъ немногихъ учителей мактабовъ, которые могутъ читать это сочиненіе, оно мало полезно, или лучше, совершенно бесполезно, такъ какъ не способствуетъ успѣшности обученія. Поэтому, упомянувъ о сочиненіи Маджмали только для свѣдѣнія, продолжимъ свой рассказъ о мактабѣ въ Туркестанскомъ краѣ.

Занятіе должности учителя въ мактабѣ зависитъ отъ жителей квартала, въ лицѣ его представителей, при чемъ никакихъ особыхъ формальностей не бываетъ. У киргизъ и туркменъ обыкновенно приходъ договаривается съ учителемъ относительно годового вознагражденія за его занятія въ школѣ, а въ большихъ городахъ учитель, приглашенный къ занятіямъ въ школѣ, тѣмъ самымъ получаетъ право на пріемъ частныхъ приношеній отъ родителей учениковъ, при опредѣленіи ихъ въ школу и въ продолженіе ихъ обученія. Если мактабъ находится при мечети, пользующейся опредѣленнымъ вакуфомъ, то дамулла получаетъ изъ вакуфа свою небольшую часть дохода. Обыкновенно же, напримѣръ, въ Ташкентѣ, каждый отецъ, при опредѣленіи своего сына въ мактабъ, приноситъ учителю, смотря по состоянію, 1—2 руб. или 50 коп., а затѣмъ посылаетъ съ сыномъ временныя приношенія, въ зависимости отъ установившагося въ данной мѣстности обычая и въ связи съ ходомъ учебныхъ занятій сына въ школѣ. Въ общемъ школа бѣднаго квартала можетъ дать такихъ приношеній учителю 50 руб., а въ богатомъ кварталѣ 100 и немного болѣе рублей въ годъ ²⁾.

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ богатыхъ городахъ края (Кокандъ, Андижанъ и др.) стали появляться татарскія школы съ обученіемъ грамотѣ по новому (звуковому) методу ³⁾, и учитель такой школы назначаетъ помѣсячную плату съ cadaго учащагося въ 2—3 руб., что при 20-ти учащихся можетъ дать учителю болѣе пяти-сотъ рублей въ годъ. Однако, новометодныя мактабы составляютъ исключительное явленіе послѣднихъ дѣсятилѣтій, когда стали дѣйствовать въ краѣ русско-туземныя школы, показавшія туземцамъ выгоды обученія въ организованной школѣ, какъ въ отношеніи времени, такъ и въ смыслѣ развитія учащихся. Тогда именно, въ 80—90 гг. истекшаго столѣтія, подъ вліяніемъ татаръ, стали открываться среди ту-

¹⁾ Желающіе могутъ читать объ этомъ въ № 142 „Турк. Вѣд.“ за 1905-й годъ.

²⁾ Учащихся въ мактабѣ бываетъ отъ 10—20 до 60 и болѣе.

³⁾ Усулю-ль-джадидъ.

земнаго населенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ края частныя школы, чтобы парализовать авторитетъ правительственныхъ школъ. Были случаи, когда частныя школы съ новымъ методомъ обученія открывались среди туземнаго населенія безъ надлежащаго разрѣшенія со стороны русской власти въ краѣ и дѣйствовали тайно. Вѣроятно, и въ настоящее время есть такія школы въ разныхъ мѣстностяхъ съ большимъ туземнымъ населеніемъ; но манифестъ 17-го октября устранить это явленіе на будущее время, предоставляя большую свободу въ открытіи инородческихъ школъ.

Когда учитель умираетъ или по другимъ причинамъ оставляетъ занятія въ приходской школѣ, на его мѣсто первымъ кандидатомъ является взрослый и грамотный сынъ, а если такового нѣтъ, то приглашается постороннее лицо.

Классную обстановку мактаба составляютъ подстилки камышевыя или войлочные на полу для сидѣнья учениковъ, смотря по времени года, и невысокія, длинныя и узкія скамьи, на которыхъ ученики кладутъ свои тетради во время заучиванія уроковъ. Учитель также сидитъ на полу у стѣны, противоположной ко входной двери, и имѣетъ при себѣ три палки (кальтакъ) разной длины, соотвѣтственной длинѣ и ширинѣ комнаты, и толщиной въ большой палецъ. Ученики располагаются предъ учителемъ рядами, лицомъ къ нему, образуя полукругъ или букву П, обращенную къ учителю. Ближайшіе ряды занимаютъ старшіе ученики, заучивающіе одну книгу, а младшіе—съ другими уроками сидятъ за ними. Надъ головами учениковъ прикрѣпляется къ перекладинѣ деревянный блокъ (гальтакъ), къ которому подвязываютъ провинившихся учениковъ для наказанія.

Учебныя занятія въ мактабѣ продолжаются круглый годъ съ двумя промежутками въ дни двухъ мусульманскихъ праздниковъ: недѣля до начала каждаго праздника и недѣля послѣ праздника. Пріемъ учениковъ не ограниченъ временемъ года, что поддерживаетъ беспорядочность въ занятіяхъ, но находится въ связи съ установившеюся системою обученія въ мактабѣ. Строго опредѣленнаго учебнаго курса въ мактабѣ нѣтъ, какъ нѣтъ и опредѣленнаго срока для прохожденія школьнаго курса. Дѣленія учащихся по успѣхамъ на группы въ мактабахъ также нѣтъ: къ каждому ученику примѣняется одиночное обученіе, чему не мѣшаетъ разновременный пріемъ учащихся въ школу. Никакихъ школьныхъ записей и классныхъ журналовъ въ мактабахъ не водится. Объ отсутствующихъ ученикахъ учитель съ особою точностью узнаетъ по четвергамъ, когда собираетъ съ нихъ приношенія

(пайшамбеликъ) и передъ праздниками ¹⁾. Въ другое время года присутствіе учащихся въ мактабъ менѣе интересно для учителя, но онъ тѣмъ не менѣе справляется объ отсутствующихъ и, если услышитъ, что мальчикъ не ходитъ въ мактабъ по лѣности, то посылаетъ къ нему на домъ одного изъ учениковъ съ наложениемъ о посѣщеніи школы; если же мальчикъ и послѣ того будетъ уклоняться отъ уроковъ, то учитель даетъ знать объ этомъ отцу его и тогда, по просьбѣ послѣдняго, подвергаетъ лѣниваго ученика „насилъственному приводу“ (чалпякъ). Съ этой цѣлью нѣсколько учениковъ старшаго возраста отправляются въ домъ манкирующаго ученика и, несмотря на его сопротивленіе и слезы, берутъ его за руки, за ноги и за опояску и приносятъ въ школу, гдѣ онъ съ плачемъ усаживается на свое мѣсто. Эта мѣра производитъ сильное устрашающее впечатлѣніе на всѣхъ учениковъ мактаба.

Въ болѣе или менѣе послѣдовательномъ порядкѣ обученіе въ мактабъ можно представить такъ.

Мальчика 6—8 лѣтъ (большею частью еще не обрѣзаннаго) отецъ приводитъ въ школу и, передавая его вмѣстѣ съ приношеніемъ учителю, кланяется и проситъ учителя учить хорошенько. При этомъ отецъ ученика произноситъ традиціонную фразу: „мясо твое, кости мои“, что даетъ учителю право на тѣлесное наказаніе ученика. Учитель указываетъ ученику мѣсто на полу и прочитываетъ самъ, а потомъ поручаетъ одному изъ старшихъ учениковъ затвердить съ новичкомъ три краткія вступительныя молитвы: „Прибѣгаю къ Богу отъ шайтана, побитаго (Авраамомъ) камнями! Во имя Бога, Милостиваго, Милосердаго! О, Отверзающій, о Дарующій! открой сердце раба твоего (для ученія). Я обратилъ свое лицо къ Тебѣ и сердце свое отвратилъ отъ всего порочнаго“. Эти изреченія (изъ которыхъ два на арабскомъ языкѣ и одно на персидскомъ) способный мальчикъ заучить въ 2 дня, а ученикъ съ слабою памятью и разсѣянный твердитъ ихъ недѣлю и даже мѣсяць. Въ этомъ заключается первый педагогическій приемъ, практикуемый въ мактабѣ,—приемъ, насилующій память маленькаго ребенка.

По сдачѣ учителю затверженныхъ молитвъ учитель приказываетъ ученику принести на слѣдующій день такъ называемую *тазту*, т. е.

¹⁾ Приношенія эти бываютъ различны, въ зависимости отъ средствъ родителя ученика, какъ-то: одна или двѣ лепешки, кисть винограда, чашка палау, или деньги—20 коп. и болѣе.

продолговатую деревянную дощечку съ ручкой. Ученикъ приносит вмѣстѣ съ дощечкой подарокъ учителю (1 монету въ 20 коп. или двѣ, или нѣсколько лепешекъ). На дощечкѣ учитель пишетъ тушью всѣ 32 буквы арабскаго алфавита, въ ихъ отдѣльномъ начертаніи, приказываетъ заучивать ихъ названія наизусть, по четыре буквы вразъ, и отпускаетъ ученика и его сверстниковъ домой ранѣе срока, почему самое приношеніе называется *азадмыкъ*, т. е. освобожденіе, отпускъ. На другой день маленькій *тахтаханъ*, т. е. изучающій написанное на доскѣ, принимается съ усердіемъ за новое трудное упражненіе памяти и глазъ и, покачиваясь туловищемъ, нараспѣвъ выкрикиваетъ: алифъ-би (ю), ти (ю) си...повторяя безчисленное число разъ эти четыре звука, безъ всякаго содержанія. Затѣмъ онъ переходитъ къ послѣдующимъ названіямъ буквъ, постоянно стверживая прежде заученныя буквы, пока, наконецъ, не затвердитъ всѣ 32 буквы арабскаго алфавита. На эту неосмысленную работу малоспособный ученикъ затрачиваетъ мѣсяць и болѣе, а ученикъ съ средними способностями недѣлю—двѣ и переходитъ къ такъ называемому *абджаду*, при чемъ дѣлаетъ новое посильное приношеніе своему учителю.

Абджадъ не есть такъ называемые склады, какъ нѣкоторые думаютъ. Такъ называются восемь искусственныхъ словъ, безъ значенія, въ которыя включены всѣ 32 буквы арабскаго алфавита, именно: *абджадъ*, *лаввизъ*, *хутты*, *калманъ*, *саифасъ*, *карашанъ*, *саххазъ*, *зазыа*. Въ началѣ къ этимъ словамъ присоединена начинательная молитвенная формула („Во имя Бога Милостиваго, Милосердаго“), а въ концѣ словословіе („Да будетъ благословенъ Богъ, искусившій изъ творцовъ. О, Господи міровъ!“).

Гебраисты объяснили эти искусственныя слова первоначально еврейско-арабскою нумераціей, обозначаемую буквами алфавита ¹⁾, подобно тому, какъ у христіанъ-славянъ известна греко-славянская буквенная нумерація. Именно первыя шесть словъ *абджада* представляютъ собою искусственное соединеніе буквъ арабскаго алфавита, расположенныхъ въ порядкѣ алфавита еврейскаго и обозначающихъ единицы, десятки и сотни до 400. Для обозначенія остальныхъ сотенъ отъ 500 до 1000 были придуманы, вѣроятно, первыми же учителями изъ евреевъ еще два слова (*саххазъ* и *зазыа*). Такъ получилось упражненіе мусульманскаго школьника въ изученіи буквъ арабскаго

¹⁾ См. Мухаммеданскій букварь. Пр. Е. Махова. Казань 1894, стр. 54—58.

алфавита въ ихъ отдѣльныхъ начертаніяхъ и искусственныхъ сочетаніяхъ, обозначающихъ мусульманскую нумерацію. Это служитъ самымъ очевиднымъ доказательствомъ зависимости арабскаго букваря отъ древне-еврейскаго; самыя названія арабскихъ буквъ несомнѣнно установлены по подражанію названіямъ буквъ еврейской азбуки. Припомнимъ, что учителемъ внуковъ самого Мухаммеда былъ, очевидно, обращенный въ исламъ еврей Мирдаъ.

Въ безсознательномъ затверживаніи упомянутыхъ непонятныхъ сочетаній арабскихъ буквъ малолѣтній школьникъ-туземецъ вторично напрягаетъ свою память и сообразительность, чтобы хоть какъ-нибудь наугадъ усвоить названія и изображенія арабскихъ буквъ, имѣющихъ по три разныхъ начертанія—въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ словъ, въ соединеніи съ другими буквами и раздѣльно, съ надстрочными и подстрочными знаками. Осилить эту вторую трудность, бѣдный школяръ идетъ радостнымъ домой и объявляетъ своимъ родителямъ, что онъ завтра переходитъ на гафтіякъ и будетъ называться уже „китабханъ“, то-есть изучающій книгу. Гафтіякъ состоитъ изъ избранныхъ главъ корана и по объему составляетъ седьмую часть полнаго корана, на что указываетъ самое названіе.

Переходъ отъ тахты къ гафтіяку вызываетъ у родителя ученика вмѣстѣ съ радостью новое приношеніе учителю, а виновникъ этой радости въ свою очередь доволенъ, что завтра, послѣ врученія учителю родительскаго подарка, онъ снова будетъ освобожденъ отъ послѣобѣденныхъ уроковъ.

Къ чтенію гафтіяка юный китабханъ приступаетъ съ благословенія Божія, формула котораго (Бисмилла) уже хорошо затвержена имъ, и затѣмъ учится складывать слова арабскаго текста: „*Альфаллямъ зааль хи ва мимъ захамъ альхамъ даль пишду альхамду*“. Если такая сложная система звуковъ необходима для произношенія только одного слова, то не трудно понять, что для прочтенія всего, хотя и небольшого по количеству страницъ, гафтіяка требуется минимумъ годъ времени (если ученикъ способный) и два-три года, если ученикъ малоспособный: вѣдь нужно заучить на память огромную массу слоговъ, пзъ которыхъ состоятъ слова этой книжки, потому что сознательно складывать слова ученикъ не научился и ни одного слова въ читаемой съ такимъ трудомъ книжкѣ не понимаетъ ¹⁾. Неудиви-

¹⁾ Въ цѣляхъ религіозныхъ, при изученіи гафтіяка, послѣ первой главы заучиваются маленькія главы, помѣщенные въ концѣ книги. Заученныя главы читаютъ, какъ заклинательныя молитвы.

тельно, если многіе ученики выбиваются изъ силъ, прежде чѣмъ окончить гафтьякъ и, оставляя мактабъ, постепенно забываютъ всѣ безсознательно заученные ими совершенно непонятные звуки,—и получается полный рецидивъ безграмотности.

Наоборотъ, осилившій гафтьякъ мальчикъ-туземецъ тѣмъ самымъ обнаруживаетъ умственную выносливость и снова требуетъ отъ своего отца приношенія (азалдыкъ), такъ какъ долженъ приступить теперь къ чтенію полного корана. Воспользовавшись новымъ отпускомъ отъ уроковъ, гордый сознаниемъ своихъ недюжинныхъ дарованій, ученикъ съ трудомъ еще складываетъ и разбираетъ тѣ главы корана, которыя раньше не встрѣчалъ въ гафтьякѣ. Скоро, однако, онъ свыкается съ извѣстными словами и мало-по-малу затверживаетъ текстъ корана наизусть и можетъ читать съ установленною интонаціею цѣлыя главы священной книги даже въ мечети, въ присутствіи молящихся, особенно въ дни мѣсяца Рамазана. Вотъ теперь только, то-есть въ лучшемъ случаѣ послѣ трехлѣтняго зубренія непонятныхъ словъ, мальчикъ-туземецъ овладѣваетъ механизмомъ чтенія, но очень мало развивается умственно, такъ какъ содержаніе заученныхъ текстовъ для него остается непонятнымъ.

По окончаніи чтенія корана, ученикъ переходитъ на третью книгу—„Чаръ-Китабъ“, въ которой на персидскомъ языкѣ, также не родномъ для туркестанскаго туземца, изложены правила, касающіяся четырехъ главныхъ религіозныхъ обязанностей мусульманина: молитвы, предваряемой омовеніемъ, милостыни, поста и путешествія въ Мекку и Медину. Новая двойная трудность для учащагося: языкъ неродной, а содержаніе не соответствуетъ возрасту, такъ какъ указанныя религіозныя обязанности рассматриваются въ этой книгѣ не съ точки зрѣнія ихъ нравственно-воспитательнаго значенія, а со стороны сухихъ, часто казуистическихъ мелочей и отвлеченностей, обуславливающихъ правильность или неправильность выполненія этихъ обязанностей, а иногда нескромныхъ, и во всякомъ случаѣ неумѣстныхъ въ школьной книгѣ подробностей, съ какими встрѣчаются въ жизни только взрослые мусульмане, а не дѣти.

При чтеніи „Чаръ-Китаба“ 10—12 лѣтній школяръ обучается и письму, которое сводится къ каллиграфіи, а не служитъ средствомъ къ изложенію мыслей. Туземные педагога совсѣмъ не имѣютъ такого взгляда на письмо и не упражняютъ своихъ учениковъ въ стилистическихъ письменныхъ работахъ. Поэтому туземцы края, прошедшіе и высшую школу, обыкновенно не умѣютъ литературно писать вообще,

а на родномъ языкѣ въ особенности. Словомъ, родной языкъ въ мусульманской начальной школѣ находится въ пренебреженіи, что составляетъ первый органическій ея недостатокъ.

Прочитавъ Чаръ-Китабъ, способный ученикъ приобрѣтаетъ достаточный лексическій матеріалъ въ двухъ языкахъ—арабскомъ и персидскомъ (которые занимаютъ мѣсто древнихъ классическихъ языковъ въ мусульманской наукѣ и литературѣ), и потомъ ученикъ мактаба безъ особеннаго труда переходитъ (также послѣ подарка учителю) къ чтенію религіозныхъ стихотворныхъ сборниковъ: Ходжа-Хафизъ, Суфи-Аллаяръ, Фузули, Бидыль, Наваи. При этомъ строгой послѣдовательности въ чтеніи не наблюдается: нѣкоторые ученики читаютъ одновременно двухъ авторовъ. Но чтеніе это не приноситъ большой пользы учащемуся, такъ какъ сочиненія названныхъ авторовъ представляютъ собою сборникъ не всегда искусно сложенныхъ рифмованныхъ строфъ съ религіозно-мистическимъ содержаніемъ. По отзыву самихъ туземцевъ, особенно труденъ для пониманія сборникъ Бидыля. Наибольшимъ вниманіемъ въ мактабахъ пользуются сочиненія Хафиза и Суфи-Аллаяра.

Чтеніемъ названныхъ сборниковъ заканчивается школьный курсъ мактаба, при чемъ особенно усердные ученики прочитываютъ еще книжку о добрыхъ нравахъ ¹⁾, въ которой систематизированы правила благоповеденія мусульманъ. Послѣ того учащійся большею частью переходитъ для продолженія своего образованія въ высшую школу (мадраса). Радостный родитель устраиваетъ по этому случаю угощеніе, на которое приглашаютъ школьнаго учителя, и даритъ ему на прощаніе халатъ шелковый или суконный, смотря по состоянію.

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ обученія въ туземной народной школѣ нашего края. Чтобы охарактеризовать эту школу съ точки зрѣнія современной педагогики, мы должны будемъ признать ее совершенно неудовлетворительною и притомъ во всѣхъ отношеніяхъ: гигиеническомъ, учебно-воспитательномъ и жизненно-практическомъ.

Гигиеническія требованія къ туркестанскому мактабу совсѣмъ даже и не примѣнимы, такъ какъ у туземцевъ въ помѣщеніяхъ мактаба нѣтъ достаточнаго количества свѣта, чистаго воздуха и тепла; нѣтъ школьной мебели, мѣста для дѣтскихъ игръ и гимнастики, нѣтъ вообще физическихъ упражненій въ формѣ ручного труда, огород-

¹⁾ Съ содержаніемъ этой книжки можно познакомиться на русскомъ переводѣ Г. Лыкошина.

ныхъ и садовыхъ работъ и дѣтскихъ прогулокъ. Помѣщенія мактабовъ не отличаются чистотою и въ санитарномъ отношеніи вообще ниже всякой критики. О дѣтскихъ завтракахъ и питьевой водѣ учителя мактаба не только не заботятся, но и не сознаютъ этой обязанности, равно какъ имъ не доступна идея о дѣтской утомляемости. Врачей при мактабахъ нѣтъ.

Съ учебно-воспитательной точки зрѣнія и мусульманскій мактабъ долженъ былъ бы отвѣчать идеѣ „*мастерской человечности*“, гдѣ дѣти развиваютъ постепенно свои умственные и нравственные способности ¹⁾, но въ дѣйствительности туземные мактабы являются мастерскими человеческой исключительности и притупленія дѣтскихъ способностей. Въ мактабахъ отсутствуетъ идея *материнской* школы съ ея естественнымъ орудіемъ развитія—*роднымъ* языкомъ въ томъ видѣ, какъ говоритъ объ этомъ Я. А. Коменскій; въ мактабахъ нѣтъ соответствующаго дѣтскому возрасту школьнаго курса и правильнаго (дидактическаго) метода обученія, вслѣдствіе чего въ ученикахъ забывается любознательность и притупляются умственные способности, что особенно замѣтно на дѣтяхъ, заучивающихъ наизусть коранъ ²⁾; въ мактабахъ совершенно отсутствуютъ элементы эстетическаго развитія дѣтей (пѣніе, музыка, рисованіе). Кромѣ того, при отсутствіи педагогическаго образованія туземныхъ учителей, въ мактабахъ до сихъ поръ практикуются тѣлесныя наказанія, сопровождающіяся иногда увѣчьями и даже преждевременною смертію учащихся ³⁾. Справедливость требуетъ, однако, признать, что основной взглядъ на наказанія дѣтей у арабовъ-мусульманъ былъ гуманнѣе: если мальчикъ достигаетъ 10-тилѣтняго возраста и не будетъ исполнять установленныя намазы, то учителю позволяется побить его рукой, но не палкой, и при томъ не болѣе трехъ разъ. Подобно этому долженъ былъ поступить и учитель въ отношеніи уроковъ, ибо самъ пророкъ сказалъ упомянутому выше Мирдасу: „не ударяй ученика болѣе трехъ разъ; въ противномъ случаѣ Богъ възыщетъ съ тебя за это на томъ свѣтѣ“. Учитель не долженъ также бить учениковъ палкой, развѣ только, когда отецъ ученика даетъ разрѣшеніе на это. Позднѣйшіе учителя мактабовъ, въ примѣненіи наказаній, стали руководствоваться взглядами на это дѣло и совѣтами знаменитаго персидскаго поэта

¹⁾ См. Великая дидактика Коменскаго.

²⁾ Въ этомъ признавались автору сами туземцы.

³⁾ Автору очерка извѣстны случаи почти скорострѣжной смерти учениковъ мактабовъ отъ побоевъ учителя.

Шейха-Саади, который въ своемъ „Гулистанъ“ приводитъ такіе поучительные рассказы:

„У одного изъ визирей былъ тупоумный сынъ, котораго онъ послалъ учиться, говоря наставнику: «воспитаѣ его; быть можетъ, онъ поумнѣетъ». Наставникъ долго трудился надъ мальчикомъ, обучая его, но совершенно напрасно, и потому послалъ сказать отцу: «твой сынъ не сдѣлался умнымъ, а только меня обратилъ въ сумасшедшаго»... Когда развитію благоприятствуетъ сама природа, прибавляетъ Саади, тогда воспитаніе оставляетъ на человѣкѣ слѣды. Если же желѣзо само по себѣ нехорошо, никакой полировщикъ не сдѣлаетъ его лучшимъ. Не мой собаку во всѣхъ семи моряхъ: она, когда вымокнетъ, сдѣлается еще грязнѣе. Поведи въ Мекку осла Иисуса,—и осель воротится оттуда прежнимъ осломъ“.

„Ученый, обучая царскаго сына, билъ его нещадно и обращался съ нимъ крайне сурово, такъ что отрокъ, будучи не въ силахъ выносить такой строгости, жаловался своему отцу и при этомъ приподнялъ платье съ своего тѣла, истерзаннаго ударами. Отцу стало до крайности жалко мальчика; онъ позвалъ наставника и говорить ему: «ты ни съ однимъ изъ сыновей простого класса подданныхъ не поступаешь такъ жестоко, какъ съ моимъ сыномъ: объясни, какая этому причина». Наставникъ отвѣчалъ: «Всякому надобно говорить, обдумавъ свои слова; у всѣхъ должны проявляться одобрительныя дѣйствія, но преимущественно у государей, потому что все, исходящее съ языка и рукъ государей, сейчасъ передается всюду устами всѣхъ, тогда какъ слова и дѣла простого народа не заслуживаютъ такой извѣстности. Хотя за дервишемъ было бы замѣчено сто дурныхъ поступковъ, его сотоварищи не узнаютъ и сотой ихъ доли; но какъ только будетъ усмотрѣно за султаномъ какое-нибудь одно неодобрительное дѣйствіе, оно передается на словахъ изъ края въ край. Вотъ потому-то и должно, заключилъ ученый, стараться исправлять нравы царскихъ дѣтей болѣе, нежели дѣтей простолюдія». — «Кто въ молодости не приучился къ доброй нравственности, того счастье оставляетъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ, поучаетъ Саади. Сгибай, какъ хочешь деревцо, пока оно въ свѣжести, а сухое только и выправишь посредствомъ огня. Когда выправляешь свѣжій сучекъ, онъ выпрямится, но не сможешь исправить сухое полѣно». Государю понравились такія умныя замѣчанія и подтвержденіе мысли наставника; онъ одарилъ его платьемъ и подарками и возвысилъ его степень еще болѣе“.

„Государь, отдавая своего сына воспитателю, сказалъ ему: «Вотъ это дитя; воспитай его такъ, какъ бы собственнаго сына». Наставникъ цѣлый годъ бился съ нимъ и ничего не могъ сдѣлать, тогда какъ его собственныя дѣти отличались и свѣдѣніями, и краснорѣчіемъ. Государь разсердился на учителя и сказалъ ему: «Ты не исполнилъ своего обѣщанія и поступилъ безчестно». «Государь, отвѣчалъ учитель, мое вниманіе для всѣхъ было одинаково, но природныя способности дѣтей различны». Хотя золото и серебро выплавливается изъ камня, но не во всякомъ камнѣ содержится серебро или золото, — заключаетъ Саади.

Въ оправданіе суровой строгости учителя, Саади рассказываетъ: „Въ западныхъ краяхъ «въ Магребѣ» я видѣлъ школьнаго учителя кислотицаго, съ грубыми рѣчами, съ дурными наклонностями, — чловѣка-оскорбителя людей, нищаго по своимъ свойствамъ, невоздержнаго такъ что при одномъ взглядѣ на него исчезло все хорошее расположеніе духа правовѣрныхъ, а когда онъ начиналъ читать коранъ, то сердца людей «чернѣли» съ горя. Чистые отроки и дѣвочки, попавшіе въ его руки, переносили отъ него обиды, не осмѣливаясь ни засмѣяться, ни вымолвить ни слова; одного онъ надѣлялъ пощечинами, другого сѣкъ по лядвіямъ... Наконецъ, какъ я слышалъ, за какія-то, подобныя этимъ, продѣлки его поколотили и выгнали вонъ изъ школы, а «мактабъ» передали другому учителю. Этотъ былъ отличный чловѣкъ, кроткій, добрый, миролюбивый, который не говорилъ ни слова, развѣ только по необходимости; на языкъ его не вертѣлась ни одна оскорбительная для людей рѣчь. Между тѣмъ дѣти забыли суровость перваго наставника и, видя ангельскія свойства его преемника, стали бѣсами въ отношеніи другъ къ другу. Они проводили большую часть времени въ играхъ и, не написавши на доскахъ ¹⁾ своего урока, только колотили ими другъ друга по головамъ... Когда учитель не строгъ съ учениками, они только и дѣлаютъ, что играютъ на базарѣ въ игру „херсекъ“ (медвѣженокъ“ ²⁾). По прошествіи двухъ недѣль я, говоритъ Саади, проходилъ мимо этой мечети (гдѣ помещалась школа) и увидалъ тамъ прежняго учителя, котораго приняли благосклонно опять на прежнее мѣсто. По правдѣ, я сталъ сѣтовать

¹⁾ Изъ этого видно, что обычай писать на дощечкахъ первые уроки былъ въ Персіи и оттуда перешелъ въ Туркестанъ.

²⁾ Такъ называется дѣтская игра, въ которой одинъ изъ дѣтей становится на четвереньки и старается лягнуть ногой. Если онъ кого-нибудь успѣетъ ударить, тотъ мальчикъ становится на мѣсто лягнувшаго, изображавшаго медвѣженка.

и говорить: „нѣтъ силы, какъ только у Аллаха“, какъ этакого черта вторично сдѣлали учителемъ ангеловъ?! Но старикъ, видѣвшій свѣтъ, услышавъ это, замѣтилъ мнѣ: „Развѣ ты не слыхалъ слѣдующихъ рѣчей: Какой-то государь отдалъ своего сына въ „мактабъ“ и привѣсилъ ему на грудь серебряную дощечку, на верху которой красовалась золотая надпись: „строгость учителя лучше, нежели любовь отца“¹⁾.

Наконецъ, и въ отношеніи жизненной приспособленности мактабы даютъ своимъ ученикамъ очень мало, такъ какъ прежде всего не научаютъ ихъ пользоваться свободно и умѣло грамотой и письмомъ на родномъ языкѣ, не знакомятъ ихъ съ міромъ человѣческой души и съ окружающей природой и не даютъ дѣтямъ никакихъ практическихъ навыковъ, необходимыхъ въ жизни. Неокончившіе курсъ мактаба очень часто дѣлаются рецидивистами неграмотности и обращаются въ простыхъ чернорабочихъ; иные—порасторопнѣе—мелкими торговцами и только очень немногіе, въ возрастѣ не менѣе 14-ти лѣтъ, осиливаютъ при помощи природныхъ дарованій безтолковый курсъ мактаба и поступаютъ въ высшую школу (мадраса), въ которой учащіяся еще болѣе отрѣшаются отъ реальной дѣйствительности окружающаго міра.

Одну хорошую сторону прививаетъ мусульманскій мактабъ своимъ ученикамъ—внѣшнюю порядливость, сопровождающуюся скромностью и почтительностью. Эти качества являются въ нѣкоторой степени результатомъ личной подавленности учащихся подъ абсолютнымъ авторитетомъ учителя, но въ отношеніи умѣнья владѣть собой и поддерживать внѣшній порядокъ въ массѣ, при какой угодно обстановкѣ и даже при соблазнительности предстоящихъ лакомствъ, мусульманскіе школьники стоятъ неизмѣримо выше русскихъ школяровъ²⁾ и вызываютъ въ зрителѣ невольное расположеніе къ себѣ. Другую хорошую сторону мусульманскаго мактаба составляетъ то, что онъ не разрушаетъ въ учащихся дѣтяхъ семейныхъ правилъ и традицій, не прививаетъ имъ новыхъ привычекъ и потребностей и такимъ образомъ не отрываетъ дѣтей туземцевъ отъ бытовой обстановки, вслѣдствіе чего и не окончившіе курсъ въ мактабѣ возвращаются въ свою среду

¹⁾ Гюлистанъ. Съ персидскаго подлинника перевелъ И. Хомяковъ. Москва 1882 г., гл. 7, стр. 252—261.

²⁾ Авторъ много разъ лично убѣждался въ этомъ, особенно же, когда ученики мактабовъ являлись въ обществѣ съ русскими учениками русскихъ школъ.

съ неизвращенными представленіями о жизни и спокойно принимаются за личный трудъ (земледѣліе, ремесла, торговля), соответственно жизненнымъ условіямъ родной семьи. Указанныя хорошія стороны мактаба въ значительной степени зависятъ отъ патриархальнаго строя жизни мусульманъ, покоящагося на религіозныхъ основахъ, не колеблемыхъ современными теоріями социальныхъ наукъ. Мусульманская среда до сихъ поръ остается почти повсемѣстно одноформенной, и дѣти мусульманъ, обучающіяся въ начальной школѣ, различаются между собою только неодинаковою цѣвностью одежды и не заражаются взглядами на условія и цѣли жизни и на взаимныя отношенія. По корану, всѣ мусульмане—братья (гл. 3, ст. 98), безъ различія имущественнаго и образовательнаго ценза, и должны дружить только между собой ¹⁾ (гл. 3, ст. 114). Съ современными социальными теоріями мусульманская народная масса не знакома, а ея представители съ предубѣжденіемъ и удивленіемъ относятся къ формамъ народнаго участія въ социалистическихъ движеніяхъ и оберегаютъ своихъ дѣтей отъ вліянія толпы, мѣшающей дѣтямъ учиться, какъ это въ послѣдніе два года почти повсемѣстно наблюдается во внутренней Россіи.

Такова въ общихъ чертахъ учебно-воспитательная сторона жизни мусульманскаго мактаба, подлежащаго реформѣ по учебному плану школы покойнаго Н. И. Ильминскаго. Проектъ этой реформы, если будетъ принятъ русскою правительственною властью, оставляя неприкосновенными религіозную и бытовую стороны жизни мусульманской школы, касается исключительно учебнаго ея строя, исходя изъ чисто педагогическихъ соображеній, обоснованныхъ на психологическихъ принципахъ. На происходившихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія въ маѣ мѣсяцѣ 1905 года совѣщаніяхъ по вопросу объ образованіи инородцевъ, школьная система Ильминскаго была подробно охарактеризована какъ съ идейной ея стороны, такъ и съ практической. До этого времени школьная система покойнаго Н. И. Ильминскаго была извѣстна русскимъ мусульманамъ не столько со стороны положенныхъ въ ея основу психологическихъ принциповъ, сколько со стороны практическаго примѣненія ея къ инородцамъ-христіанамъ и частію къ язычникамъ. Поэтому, при сужденіяхъ о школѣ Ильминскаго, мусульмане обыкновенно имѣли въ виду спеціальную миссіонерскую задачу,

---

¹⁾ Стихъ этотъ читается такъ: „Вѣрующіе не входятъ въ искреннюю дружбу ни съ кѣмъ, кромѣ себя самихъ: они непременно сведутъ васъ съ ума; они желаютъ погубить васъ“.

какую развивали созданныя покойнымъ педагогомъ крещено-татарскія и др. христіанско-инородческія школы въ Казанскомъ краѣ и въ Сибири;—для нашей же цѣли важнѣе внутренній педагогическій строй этихъ школъ, коренящійся на двухъ психологическихъ основахъ—на родномъ языкѣ дѣтей инородцевъ, обучавшихся въ этихъ школахъ, какъ естественномъ орудіи обученія, и на языкѣ *русскомъ*, какъ предметъ изученія и орудіи дальнѣйшаго культурнаго развитія дѣтей инородцевъ. На засѣданіяхъ майской комиссіи, подъ предсѣдательствомъ А. С. Будиловича, оба указанные момента школы Ильминскаго были всесторонне выяснены, и въ результатѣ комиссія признала совершенно возможнымъ и правильнымъ примѣненіе ихъ къ инородческимъ школамъ, въ которыхъ обучаются дѣти мусульманъ (татаръ, сартовъ, киргизъ и др.). По системѣ Ильминскаго, въ этихъ школахъ, если онѣ будутъ реформированы, дѣти инородцевъ-иновѣрцевъ, обучаясь при помощи роднаго языка, будутъ постепенно получать общечеловѣческое развитіе и русско-государственное образованіе, не утрачивая при этомъ національныхъ чертъ и не лишаясь религіознаго воспитанія въ духѣ исповѣдуемой ими вѣры. Къ сожалѣнію, мы не считаемъ себя въ правѣ воспользоваться „Трудами“ названной комиссіи, такъ какъ они изданы на правахъ рукописи и еще не подвергались обсужденію въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Но для нашей цѣли будетъ достаточно замѣтить здѣсь вообще, что въ русско-инородческой школѣ, реформированной въ указанномъ направленіи, устранятся всѣ антипедагогическіе недостатки мусульманскихъ маѣтабовъ, и дѣти инородцевъ-иновѣрцевъ, сохранивъ свои національныя особенности и религіозныя вѣрованія, получатъ въ этихъ школахъ болѣе правильное умственное развитіе и болѣе широкое образованіе и при томъ не въ общечеловѣческомъ только, но и въ государственномъ отношеніи. Желательно, чтобы образованные представители россійскихъ мусульманъ отнеслись къ предположенной реформѣ ихъ маѣтабовъ безъ предубѣжденія и недобвѣрія. Для незнакомыхъ съ этимъ вопросомъ въ его недавнемъ прошломъ мы можемъ указать съ одной стороны на опытъ русско-киргизскихъ школъ въ Тургайской области и въ Астраханской Ханской Ставкѣ, а съ другой—на русско-туземныя школы въ туркестанскомъ краѣ. Извѣстный дѣятель по образованію Тургайскихъ киргизъ И. А. Алтысаринъ писалъ въ 1886 году: „Будетъ очень прискорбно, если этотъ не испорченный, практическій и способный народъ (киргизы) окончательно подвергнется вліянію татаръ, которые вслѣдствіе глубоко укоренивш-

гося въ нихъ фанатизма, живя три уже столѣтія въ средѣ русскихъ, за малымъ исключеніемъ, до сихъ поръ коснѣюгъ въ невѣжествѣ. Въ виду этого, а равно и въ общихъ интересахъ правительства, нравственно и экономически развивать подвластные ему народы, и было бы желательно безотлагательное распространеніе въ Киргизской степи русско-киргизскихъ школъ, которыя если и не вытѣснятъ вполнѣ татарское ученіе, то все же будутъ служить противовѣсомъ ему... и не допустить народъ къ нравственному разложенію“¹⁾. Другой образованный киргизъ Б. Т. султанъ Саматовъ, очень сочувствовавшій образованію своихъ сородичей въ Ханской Ставкѣ, между прочимъ писалъ: „любовь къ русскому языку и изученіе его все болѣе и болѣе растетъ и расширяется какъ въ Россіи, такъ и въ киргизскихъ степяхъ и, безъ сомнѣнія, принесетъ намъ и нашимъ дѣтямъ въ будущемъ великое счастье, честь и славу“²⁾.

Что касается русско-туземныхъ школъ въ Туркестанскомъ краѣ, дѣйствующихъ параллельно съ мусульманскими мактабами, то для характеристики ихъ мы воспользуемся слѣдующими словами директора народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской Области С. М. Граменицкаго: „Въ настоящее время, какъ и прежде, стремленіе русскаго правительства заключается въ томъ, чтобы „пріобщить иноплеменные русскія народности къ началамъ общерусской культуры и гражданственности“. И первые устроители Туркестанскаго края такимъ же образомъ опредѣляли задачу народнаго образованія въ краѣ: первый Туркестанскій генераль-губернаторъ, покойный К. П. фонъ Кауфманъ, еще въ 1868 году предлагалъ „принять въ основаніе воспитанія дѣтей не религіозное различіе, а одни и тѣ же правила, при помощи которыхъ можно какъ православныхъ, такъ и мусульманъ, сдѣлать одинаково полезными гражданами Россіи“. Назначенная въ 1870 году для обсужденія вопроса объ устройствѣ учебной части въ краѣ особая комиссія, руководствуясь указаніями главнаго начальника края, подробнѣе выразила эту мысль такъ: „Основнымъ положеніемъ задачи народнаго образованія въ краѣ должно быть принято развитіе онаго въ направленіи русскихъ интересовъ, которые главнымъ образомъ состоятъ въ развитіи экономической стороны жизни инородческаго на-

---

¹⁾ Воспоминанія объ И. А. Алтысаринѣ. Н. Ильинскаго. Казань 1901 г., стр. 271.

²⁾ Б. Т. султанъ Саматовъ. Очеркъ А. Воскресенскаго. Иллюстрированный Астраханскій листокъ. 1905 г., № 18.

селенія, его гражданственности и солидарности его стремленій съ основами русской государственной жизни, при чемъ религіозныя убѣжденія туземцевъ должны оставаться безъ всякаго посягательства“. Точно также и въ настоящее время мы стремимся къ тому, чтобы школа для инородцевъ, какъ и всякая общеобразовательная школа, преслѣдовала общекультурныя задачи развитія дѣтей и сообщала имъ полезныя для жизни знанія.

„Вслѣдствіе этого мѣстная администрація края возбудила ходатайство о разрѣшеніи открывать для туземнаго населенія края русско-туземныя училища, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе отъ 20-го іюня 1886 года. Въ этихъ училищахъ дѣти туземцевъ должны были изучать одновременно мусульманскую и русскую грамоту и получать достаточный навыкъ въ употребленіи разговорнаго русскаго языка. Первые шаги этихъ школъ были робки и неувѣренны. Туземное населеніе относилось къ нимъ боязливо и съ недоувѣріемъ; недоброжелательные люди говорили, что русское правительство, распространяя эти школы, преслѣдуетъ свои цѣли, намѣреваясь отвлечь дѣтей мусульманъ отъ ихъ вѣры и забирать потомъ въ военную службу. Самъ генераль-губернаторъ, давая указанія относительно организаціи и устройства этихъ школъ, опасался возлагать на нихъ большую задачу и предполагалъ „ограничить преподаваніе сообщеніемъ основныхъ началъ русской грамотности, то есть приучить къ правильному чтенію, письму и счету въ предѣлахъ строго необходимыхъ для элементарныхъ потребностей инородческаго быта“.

„Число школъ было весьма ограничено, и количество учащихся въ нихъ незначительно. Только по прошествіи восьми лѣтъ съ начала открытія этихъ училищъ установился твердый порядокъ ихъ жизни. Систему обученія въ нихъ пришлось радикально измѣнить и обосновать занятія въ русскомъ классѣ исключительно на русскомъ языкѣ. Въ то время, какъ въ туземномъ классѣ дѣти изучали туземную грамоту и основы мусульманскаго вѣроученія подъ руководствомъ туземнаго муллы, въ русскомъ классѣ занятія съ самаго начала обученія были направлены къ усвоенію русскаго языка и приобрѣтенію при помощи его необходимыхъ знаній и развитія. Поставленное такимъ образомъ дѣло обученія пошло значительно усгѣшнѣе и дало вполне благопріятные результаты: опытъ послѣднихъ десяти лѣтъ показалъ, что въ этихъ школахъ дѣти туземцевъ въ теченіе четырехъ лѣтъ научаются свободно понимать русскую рѣчь и говорить по русски и проходятъ въ русскомъ классѣ приблизительно ту программу обученія,

которая установлена для русскихъ начальныхъ училищъ. При этомъ, получая эти знанія, они оканчиваютъ курсъ въ томъ возрастѣ, когда есть полная возможность поступать въ другія учебныя заведенія и продолжать свое образованіе. Туземное населеніе, ближе ознакомясь съ этими школами и видя успѣхи обученія въ нихъ своихъ дѣтей, перестало недовѣрчиво относиться къ нимъ. Туземцы скоро убѣдились, что не только въ этихъ школахъ нѣтъ ничего противнаго ихъ воззрѣніямъ на задачи мусульманской школы, но, напротивъ, дѣти здѣсь скорѣе научаются и мусульманской грамотѣ при помощи тѣхъ приѣмовъ обученія, которые были введены при содѣйствіи русскихъ учителей, и болѣе сознательно усваиваютъ начала мусульманскаго вѣроученія; вмѣстѣ съ тѣмъ, они безъ особаго труда, сравнительно въ короткій промежутокъ времени, настолько усваиваютъ русскій языкъ и грамоту, что могутъ съ успѣхомъ пользоваться этими знаніями для практической жизни и обосновать на нихъ свое дальнѣйшее образованіе. Вслѣдствіе этого, число учащихся въ русско-туземныхъ школахъ начало такъ быстро возрастать, что существующихъ школъ скоро оказалось недостаточно, и явилась необходимость расширять ихъ и открывать новыя школы. Въ одномъ Ташкентѣ вмѣсто прежнихъ четырехъ одноклассныхъ школъ мы имѣемъ въ настоящее время шесть школъ съ десятью русскими классами, къ которымъ прибавляются два класса во вновь открываемомъ училищѣ. И настоящее событіе,—открытіе перваго двухкласснаго русско-туземнаго училища въ городѣ Ташкентѣ,—особенно знаменательно тѣмъ, что инициатива этого дѣла всецѣло принадлежитъ представителямъ туземнаго населенія. На происходившихъ лѣтомъ текущаго года совѣщаніяхъ учебной администраціи съ представителями туземнаго населенія Ташкента ясно было выражено всѣми присутствовавшими полное довѣріе и уваженіе къ типу русско-туземныхъ училищъ и желаніе распространить ихъ и расширить. Результатомъ этого желанія и является новое двухклассное русско-туземное училище, открытіе и организація котораго послѣдовали въ такой короткій промежутокъ времени, благодаря особому вниманію со стороны главнаго начальника края и сочувствію городского самоуправленія. Открываемое училище, кромѣ перваго класса, въ которомъ занятія будутъ располагаться соотвѣтственно программѣ и порядкамъ, принятымъ въ остальныхъ русско-туземныхъ училищахъ¹⁾, будетъ имѣть еще второй классъ, въ которомъ дѣти,

¹⁾ Всѣхъ русско-туземныхъ школъ въ край 83, а учащихся въ нихъ 2.550 мальчиковъ.

по окончаніи курса русско-туземныхъ училищъ, въ теченіе двухъ лѣтъ въ русскомъ классѣ будутъ продолжать изученіе русскаго языка, будутъ проходить ариметику, исторію, географію и естествовѣдѣніе, въ разнѣрахъ программъ, установленныхъ для двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, а въ туземномъ классѣ будутъ продолжать изученіе туземной грамоты и основъ мусульманскаго вѣрованія“.

„Такимъ образомъ новое и сложное дѣло ипородческаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ, начатое 19 лѣтъ тому назадъ съ такими сомнѣніями и опасеніями, развилось и окрѣпло настолько, что само туземное населеніе желаетъ его развитія и возможно широкаго распространенія въ принятомъ направленіи“¹⁾...

Въ связи съ открытіемъ и развитіемъ русско-туземныхъ школъ стоялъ вопросъ объ учебникахъ для этихъ школъ. Для русскаго языка были составлены необходимые учебники директоромъ народныхъ училищъ С. М. Граменицкимъ. Его учебникомъ и пользуются учителя русскаго класса этихъ училищъ, а для обученія туземной грамотѣ составленъ соотвѣтственный учебникъ бывшимъ туземнымъ учителемъ 1-й Ташкентской русско-туземной школы Сеидъ-Расулемъ Сеидъ-Азизовымъ, состоящимъ въ настоящее время практикантомъ туземныхъ языковъ при мѣстной учительской семинаріи. Извѣдавъ собственнымъ опытомъ недостатки буквослагательнаго способа обученія дѣтей арабской грамотѣ, онъ издалъ учебникъ, составленный по требованіямъ звукового метода, и его учебникъ „Устади-авваль“ является пока единственнымъ учебникомъ въ этомъ родѣ²⁾. Авторъ совершенно отрѣшился отъ рутинны мусульманской школы и предлагаетъ маленькимъ читателямъ настоящую азбуку роднаго языка. Книга его раздѣлена на отдѣльные уроки, и буквы алфавита расположены по степени легкости ихъ изученія согласно графическимъ и фонетическимъ особенностямъ. Далѣе въ учебникѣ предлагается рядъ рассказовъ, какъ матеріалъ для чтенія, и малонькій туземецъ вводится въ интересную для него обстановку. Вотъ передъ нимъ наивный мальчикъ, думающій, что очки и неграмотному дадутъ возможность читать; мужикъ, обманывающій медвѣдя, какъ неопытнаго земледѣльца; лисица и козель, ученый попугай, два знакомыхъ, волъ и лягушка, лиса и пѣтухъ, косточка и другіе подобные рассказы, какіе встрѣчаются въ

¹⁾ См. Туркестанск. Вѣд. отъ 25 сент. 1905 г., № 142.

²⁾ Татарскій учебникъ въ русско-туземныхъ школахъ края не употребляется.

нашихъ учебникахъ. Таково содержаніе первой части „Устади-авваль“. Умѣло и оригинально авторъ вводитъ своего ученика въ лабиринтъ чисто арабскихъ словъ съ массою надстрочныхъ и подстрочныхъ знаковъ. Это составляетъ вторую часть книги С. Азизова.

Въ виду того, что книга С. Азизова составляетъ необычайное явленіе въ мусульманской школѣ, гдѣ нѣтъ совсѣмъ спеціально подготовленныхъ учителей, гдѣ самыя элементарныя методическія и дидактическія правила преподаванія не успѣли еще привиться, авторъ предпосылаетъ обстоятельное наставленіе для ознакомленія и руководства учителю-туземцу.

Другой учитель русско-туземной же школы въ Ташкентѣ, получившій образованіе въ мѣстной семинаріи, Аліи-Аскаръ Калининъ продолжилъ разработку новаго учебнаго дѣла среди туземцевъ, составилъ и издалъ для русско-туземныхъ школъ „Хрестоматію“ на сартовскомъ языкѣ. Въ его книгѣ учащійся въ русско-туземной школѣ и овладѣвшій механизмомъ чтенія находитъ уже интересный матеріалъ для чтенія. И если букварь Сеидъ Расуля отодвинулъ въ сторону старую мусульманскую азбуку, то „Хрестоматія“ Калинина, по справедливому замѣчанію его бывшаго сослуживца, нанесла рѣшительный ударъ религіозно-схоластическому направленію туземнаго мусульманскаго мактаба. Въ то время, какъ при обыкновенно практиковавшемся способѣ обученія у мусульманъ, многіе годы дѣтей уходили на бессмысленное чтеніе и заучиваніе нѣсколькихъ книгъ исключительно съ цѣлью развитія механизма чтенія и не давали ученику ничего для осмысленнаго отношенія къ дѣйствительной жизни, теперь, съ появленіемъ „Хрестоматіи“, дана маленькому мусульманину возможность еще въ школѣ узнать міръ Божій и тѣмъ самымъ подготовиться къ разумной и осмысленной жизни. Хрестоматія развиваетъ ученика и дѣлаетъ то, что кругъ его знаній быстро растетъ. Она является прямымъ и естественнымъ продолженіемъ букваря С. Азизова и по школьному курсу непосредственно примыкаетъ къ нему, постепенно расширяя умственный кругозоръ учащагося. Все содержаніе „Хрестоматіи“ раздѣлено на 12 частей. Начиная съ простенькихъ рассказовъ, имѣющихъ мѣсто въ домашней обстановкѣ, авторъ постепенно вводитъ своего маленькаго читателя въ кругъ школьной и общественной жизни. Далѣе идутъ статьи о домашнихъ и дикихъ животныхъ, въ перемежку съ рассказами о нихъ, о полезныхъ растеніяхъ, временахъ года. Въ книгѣ помѣщены также статьи по естествознанію, по географіи Россіи, о Туркестанскомъ краѣ, о населеніи

Россіи и столицахъ; затѣмъ идетъ рядъ статей съ элементарными свѣдѣніями по исторіи Русскаго Государства. При этомъ авторъ не упустилъ изъ вида и главное достоинствѣ нашего времени: желѣзная дорога, пароходы, электричество, термометръ, разныя усовершенствованія въ области техники. Обо всемъ этомъ имѣются въ „Хрестоматіи“ хотя краткія, но обстоятельныя свѣдѣнія¹⁾.

Русско-туземныя школы являются такимъ образомъ первою пробой къ сближенію русской начальной школы съ туземной и, какъ можно судить по успѣхамъ дѣтей туземцевъ въ этихъ школахъ, пробой удачной. Въ какомъ направленіи эта новая школа будетъ развиваться далѣе, покажетъ будущее. Въ настоящее время мы видимъ уже естественное продолженіе ея въ открытой въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года въ Ташкентѣ двухклассной русско-туземной школѣ. Присутствовавшій на открытіи ея главный начальникъ края²⁾ высказалъ туземцамъ свое удовольствіе по поводу того, что мысль о двухклассной школѣ подана была самими туземцами и, при ихъ сочувствіи, школа быстро была подготовлена къ открытію. „Очевидно, говорилъ генераль-губернаторъ, что русско-туземная школа пришлась вамъ по сердцу, и это, конечно, потому, что она работаетъ весьма успѣшно, доводя вашихъ дѣтей, учащихся въ ней, до сознанія потребности въ дальнѣйшемъ образованіи. Помните и не забывайте, что учебное начальство отнюдь не намѣрено посягать на религіозныя обычаи ваши, и пусть ваши дѣти, подъ вашимъ наблюденіемъ, учатся религіи въ стѣнахъ этой школы точно такъ же, какъ въ свое время учились ей и вы“... Своими словами главный начальникъ края подтвердилъ туземцамъ, что русско-туземныя школы не посягаютъ на вѣрованія учащихся, а стремятся къ сближенію дѣтей съ общими для нихъ и для насъ отечествомъ посредствомъ изученія русскаго языка, и къ возможному умственному развитію путемъ сообщенія дѣтямъ элементарныхъ общечеловѣческихъ знаній.

Директоръ народныхъ училищъ Сыръ-Дарьинской области г. Граменицкій, въ послѣдующей своей статьѣ объ образованіи дѣтей инородцевъ въ Туркестанскомъ краѣ³⁾, ставитъ такія общія положенія:

1. Особенности мѣстныхъ туземныхъ нарѣчій не позволяютъ обособить систему образованія инородцевъ Туркестанскаго края на этихъ языкахъ.

¹⁾ См. Русскій Туркестанъ за 1905 г., №№ 199—200.

²⁾ Нынѣ покойный Н. Н. Тевяшевъ.

³⁾ Туркест. Вѣдом., № 177, отъ 4-го декабря 1905 г.

2. Замяна этихъ нарѣчій языкомъ татарскимъ не желательна въ интересахъ общегосударственныхъ.

3. Поэтому необходимо положить въ основу инородческаго образованія въ краѣ языкъ русскій.

4. Что касается приѣмовъ обученія, основанныхъ на правилахъ 1870 года, которыми предписывалась постепенность перехода отъ туземнаго языка къ русскому и изученіе послѣдняго при посредствѣ роднаго языка, то приѣмы эти, какъ показали опытъ первыхъ десяти лѣтъ существованія русско-туземныхъ училищъ,—не дали удовлетворительныхъ результатовъ ни въ дѣлѣ развитія учащихся, ни въ дѣлѣ усвоенія ими русскаго языка.

5. Напротивъ, съ перенесеніемъ центра тяжести обученія въ русско-туземныхъ училищахъ на русскій языкъ при изученіи его съ самаго начала занятій въ школахъ при посредствѣ нагляднаго метода,—получаются быстрые и благоприятные результаты какъ по части усвоенія учащимися русской рѣчи, такъ и въ отношеніи ихъ общаго развитія.

6. Туземные классы, въ которыхъ занятія расположены параллельно съ занятіями въ русскомъ классѣ, удовлетворяя потребности мѣстнаго населенія въ изученіи туземной грамоты и основъ мусульманскаго вѣроученія, не препятствуютъ успѣшному ходу занятій въ русскихъ классахъ.

7. Улучшеніе приѣмовъ обученія и измѣненіе программъ туземныхъ классовъ возможно вести только медленно и осторожно, въ виду твердо установившихся взглядовъ населенія на задачи мусульманской школы по преимуществу религіозной.

8. Поставленные такимъ образомъ русско-туземныя школы пользуются полнымъ довѣріемъ со стороны мѣстнаго туземнаго населенія. Число школъ и количество учащихся въ нихъ дѣтѣй ежегодно возрастаетъ, а мѣстныя общества охотно и по собственной инициативѣ принимаютъ значительное участіе въ расходахъ на ихъ содержаніе.

9. Твердо установившійся и распространенный въ Туркестанскомъ краѣ типъ русско-туземныхъ училищъ слѣдуетъ признать удачнымъ и вполне отвѣчающимъ какъ общимъ задачамъ образованія инородцевъ, такъ и личнымъ ихъ желаніямъ, а потому всякая ломка установившейся системы и принятыхъ порядковъ,—хотя бы въ томъ духѣ, какъ это проектировала засѣдавшая въ Петербургѣ въ теченіе мая 1905 года комиссія подъ руководствомъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія генерала Глазова и тайнаго совѣтника Будило-

вича,—можетъ повести только къ ослабленію прочно укоренившейся здѣсь системы инородческаго образованія, къ неудовольствію самихъ туземцевъ и къ величайшему вреду для общегосударственныхъ задачъ сближенія всѣхъ русскихъ инородцевъ съ господствующей національностью.

Соглашаясь съ почтеннымъ авторомъ въ томъ, что всякая ломка установленной учебной системы можетъ повести только къ ослабленію этой системы, мы не находимъ оснований къ опасенію въ этомъ смыслѣ, такъ какъ проектированная въ министерской комиссіи система начальнаго школьнаго образованія инородцевъ не отличается по существу отъ системы русско-туземныхъ школъ нашего края. Главное условіе проектируемой школы касается сохраненія природнаго языка туземцевъ, который и въ русско-туземныхъ школахъ является языкомъ преподаванія въ туземномъ классѣ; разница только въ приемѣ обученія инородческихъ дѣтей русскому языку, а въ этомъ случаѣ лучшимъ приемомъ долженъ быть признанъ тотъ, который сопровождается лучшими результатами.

Своеобразную разновидность иностранно-туземныхъ школъ составляютъ французско-туземныя школы въ Алжирѣ, устроенныя французскимъ правительствомъ для дѣтей кабиловъ, какъ видно изъ описанія осмотра этихъ школъ однимъ русскимъ путешественникомъ. Французы, естественно заботящіеся о сближеніи туземцевъ Алжира съ Франціей, особенное значеніе въ этомъ важномъ государственномъ дѣлѣ придаютъ также народной школѣ, но держатся въ своей системѣ офранцузженія крайняго приема: преподаваніе въ алжирскихъ правительственныхъ школахъ производится на французскомъ языкѣ, при чемъ мѣстный, родной языкъ кабиловъ совершенно изгнанъ изъ школы: ни ученики, ни учителя не имѣютъ права пользоваться имъ даже въ частныхъ разговорахъ. Очевидно, это крайность, объясняемая, можетъ быть, желаніемъ достигъ болѣе полнаго и быстрого успѣха въ усвоеніи французскаго языка. Самое обученіе дѣтей кабиловъ русской путешественникъ описываетъ такъ: „Была рекреція въ главной школѣ, и школьный дворъ былъ усѣянъ дѣтьми разныхъ возрастовъ. По свистку директора школы, всѣ ученики быстро построились по классамъ и въ порядкѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Въ третьемъ, старшемъ классѣ былъ урокъ морали, замѣняющій Законъ Божій, не преподающійся во французскихъ школахъ. Урокъ начался чтеніемъ о великихъ людяхъ Франціи; читали дѣти по-французски очень недурно; письмо ихъ было четко, красиво и правильно.

Читали о Монтескье; послѣ чтенія начались разговоры о прочитанномъ. Урокъ морали сводился къ тому, что выставлялись достоинства Монтескье: учитель указывалъ на умъ знаменитаго чловѣка, на его доброту, благородство, честность, за что онъ пользовался почетомъ у современниковъ. На слѣдующій урокъ во второмъ классѣ, состоявшемъ изъ двухъ группъ,—около 60 чловѣкъ дѣтей въ обѣихъ группахъ,—были показаны письменныя работы дѣтей и, между прочимъ, тетрадь учителя, въ которой ведется записъ его приготовленій къ урокамъ слѣдующаго дня. Первый классъ состоялъ то же изъ двухъ группъ малышей и то же около 60 чловѣкъ приблизительно. Учитель, съ короткой палочкой въ рукахъ, быстро двигался по классу, разговаривая съ дѣтьми. По просьбѣ гостей, директоръ предложилъ учителю заняться урокомъ французскаго языка. Самыя маленькія дѣти были отведены въ уголокъ класса и разсажены на полу въ кружокъ. Учитель постучалъ палочкой о печку и приказалъ дѣтямъ хорошенько посмотреть на указанный предметъ. „Fourneau!“ громко произнесъ учитель; дѣти повторили хоромъ то же самое нѣсколько разъ, по знаку учительской палочки. Затѣмъ учитель сталъ спрашивать дѣтей въ разбивку. Покончивши съ этимъ, учитель произнесъ: „Je fourneau!“, и дѣти опять продѣлали то же самое вмѣстѣ, подъ тактъ учительской палочки и по одиночкѣ: Fourneau, le fourneau, un fourneau!“—говоритъ учитель и опять продѣлываетъ съ дѣтьми то же самое. Все обученіе языку сводится къ тому, чтобы обойтись безъ употребленія мѣстнаго языка, а ограничиться однимъ французскимъ. Учитель прямо показываетъ дѣтямъ предметъ, называетъ его и затѣмъ опредѣляетъ его видимое качество, и дѣти запоминаютъ это со словъ учителя. Къ отвлеченнымъ вещамъ онъ переходитъ только вполслѣдствіи, когда ученики въ бесѣдѣ со взрослыми усвоятъ много словъ и понятій, помимо учителя, отъ взрослыхъ товарищей. Все обученіе основано на возможно полной наглядности, а для того, чтобы такая наглядность могла быть послѣдовательно проведена, при каждой школѣ заведены такъ-называемыя школьныя музеи. Школьный музей—это собраніе всего, что только попадаетъ подъ руку, начиная съ обломка дерева, осколка стекла, куска кожи и проч., и кончая очень дурными моделями разныхъ предметовъ, сдѣланными учителями и даже учениками. Всѣ эти предметы прикрѣпляются къ картону въ извѣстномъ порядкѣ, или по матеріалу, изъ котораго они сдѣланы, или по ихъ назначенію. Нѣтъ такой вещи, которая не могла бы найти себѣ мѣсто въ школьномъ

музеѣ, и все это въ порядкѣ развѣшано по стѣнамъ, потому что все можетъ быть показано дѣтямъ и названо, все можетъ служить предметомъ разговора со взрослыми, съ которыми уже можно бесѣдовать о томъ, изъ чего и какъ предметъ сдѣланъ. По окончаніи урока, дѣти заняли свои мѣста на скамьяхъ и, подѣ таятъ учительской палочки, спѣли въ униссонъ французскую пѣсенку, послѣ чего и были распущены по домамъ завтракать.

Затѣмъ директоръ повелъ автора замѣтокъ и его спутника осматривать школу въ деревнѣ Ангуль-Арба, отстоявшей отъ только-что посѣщенной школы на разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты. Школа помѣщалась въ зданіи бывшей мечети и состояла изъ одной небольшой комнаты. Навстрѣчу вышелъ учитель-туземецъ. Дѣтей было всего десятка полтора, и помѣщались они на маленькихъ скамеечкахъ, каждый ребенокъ отдѣльно. На стѣнѣ висѣла классная доска, а около нея нѣсколько разныхъ предметовъ—зародышъ будущаго школьнаго музея. Дѣти читали по книжкѣ, представлявшей собою самый обыкновенный букварь. Чтеніе велось машинально, и учитель ни разу не понтересовался узнать, понимаютъ ли ученики то, чтѣ читаютъ? Сопровождавшій посѣтителей директоръ предложилъ учителю дать урокъ французскаго языка, и здѣсь повторилось приблизительно то же самое, чтѣ раньше, съ тою только разницею, что говорились вещи, давно и хорошо извѣстныя.—Послѣ того начался урокъ ариметики. Вызванный къ доскѣ ученикъ написалъ продиктованныя ему два числа и быстро сдѣлалъ вычитаніе, при чемъ всѣ дѣти повторяли рѣшительно все, чтѣ онъ говорилъ, но повторяли механически, безъ объясненія дѣйствій.

Школа въ „Фортъ-Національ“ состоитъ изъ двухъ классовъ; въ старшемъ занимается самъ директоръ, а въ младшемъ—его помощникъ; учащіеся—европейцы и туземцы. Школьное помѣщеніе такъ тѣсно, что постороннему человѣку съ трудомъ можно тамъ найти для себя мѣсто. Въ младшемъ отдѣленіи школы происходило обученіе французскому языку тѣмъ же способомъ; только предметомъ разговора былъ хлѣбъ. Въ старшемъ классѣ, на урокѣ ариметики, учитель объяснилъ ученикамъ приведеніе дробей къ одному знаменателю: указавъ механическіе приемы, онъ вызывалъ учениковъ къ доскѣ, давалъ имъ примѣры и заставлялъ ихъ продѣлывать съ числами то же, чтѣ дѣлалъ самъ. Затѣмъ, на урокѣ французскаго языка, передъ учениками была выставлена картинка—ручей съ перекинутымъ черезъ него бревномъ, по которому переходитъ мальчикъ; на одномъ берегу ручья изображены лѣсъ, трава и цвѣты, а на другомъ—испуганная мальчи-

жомъ утка съ утятами. Разговоръ начался съ дѣтми младшей группы, пробывшими въ школѣ 3—4 года. Учитель подзываетъ то одного, то другого ученика къ картинкѣ и заставлялъ его рассказывать, что нарисовано на ней; ребенокъ перечислялъ изображенные предметы, указывалъ ихъ качества, положенія и пр. Наконецъ, посѣтителю осмотрѣли дѣтскія тетради, отличавшіяся чистотой, порядкомъ и красотой почерка, какъ и въ другихъ школахъ ¹⁾).

Кромѣ школъ для приходящихъ мальчиковъ кабилонъ, въ селеніи Тодертъ-у-Фелля устроенъ пансіонъ для сиротъ дѣвочекъ. Всѣ работы въ пансіонѣ, не исключая стирки бѣлья, обязаны исполнять сами дѣти, и никакой прислуги для этого не имѣется; дѣти убираютъ также комнаты начальницы и учительницъ. Дѣтскія постели состояли изъ дощатыхъ наръ, едва приподнятыхъ надъ землянымъ поломъ; голыя доски были прикрыты тоненькими шерстяными одѣялами, въ головахъ—какое-то подобіе подушки, по мягкости близко подходящее къ нарамъ. На выраженное русскимъ посѣтителемъ удивленіе начальница объяснила, что дома у себя они спятъ на полу, безъ какой бы то ни было постели, такъ что нары, подушка и одѣяло составляютъ для нихъ просто роскошь. Въ классѣ около 15 дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ 6 до 16 лѣтъ, приблизительно; съ ними занимались двѣ учительницы-француженки, совсѣмъ молодыя дѣвушки. Начальница предложила одной изъ нихъ дать урокъ французскаго языка. Юную учительницу, видимо, стѣсняло присутствіе постороннихъ. Обращаясь къ младшимъ ученицамъ, она предложила имъ объяснить разницу между словами: *voir* и *apercevoir*, *escouter* и *entendre*. Дѣвочки пустились въ филологическія тонкости, но безъ особаго успѣха. Перешли къ исторіи. Кабилскія дѣвочки-сиротки начали рассказывать объ эпохѣ возрожденія; рассказъ закончился полной путаницей и перетасовкой великихъ художниковъ. Начальница предложила одной изъ старшихъ дѣвочекъ залягаться съ малютками и дать имъ „*leçon de chose*“. Назначенная ученица вышла впередъ и нѣкоторое время никакъ не могла начать предметнаго урока; потомъ она собралась съ силами, вызвала одну изъ младшихъ дѣвочекъ и предложила ей рассказать, изъ чего

¹⁾ Красота и бойкость письма, составляющія отличительную черту всѣхъ француско-туземныхъ школъ въ Алжирѣ, замѣчаются и въ русско-туземныхъ школахъ Туркестанскаго края, какъ бы въ оправданіе основнаго представленія о мактабѣ, школѣ писанія, школѣ рукописныхъ руководствъ. Въ русскихъ школахъ, наоборотъ, чистописание очень часто не оправдывается дѣтскими упражненіями въ этомъ искусствѣ.

и какъ готовится мыло. Малютка начала рассказывать о щелочи вообще, о добываніи соды, о приготовленіи мыла и о значеніи его въ жизни. Наконецъ, одна изъ взрослыхъ воспитанницъ рассказала о походѣ Наполеона въ Россію, о занятіи Москвы, объ отступленіи арміи, о переправѣ черезъ Березину, о гибели великой арміи и при этомъ рѣзко отгѣнила, что всѣ неудачи Наполеона произошли только вслѣдствіе сильной русской стужи. Разсказъ свой дѣвочка закончила сожалѣніемъ объ участи „бѣднаго императора“.—Начальница пансіона рассказала посѣтителямъ, что она не учитъ дѣтей разнымъ премудростямъ, но обстоятельно объясняетъ имъ значеніе и необходимость чистоты тѣла, чистаго воздуха, говоритъ имъ о пищѣ и питаніи, о работѣ и отдыхѣ и прочее. Кромѣ того, посѣщая больныхъ, она беретъ съ собою поочередно дѣвочекъ, которыя и помогаютъ ей въ уходѣ за больными. Если болѣзнь заразительна, она беретъ съ собою только старшихъ дѣвочекъ, а въ другихъ случаяхъ и маленькихъ, которыя постепенно пріучаются къ уходу за больными. Такимъ образомъ, по окончаніи курса, у дѣвочекъ-кабилокъ получается довольно значительный запасъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній.

Еще одна французско-кабийская школа, описанная русскимъ путешественникомъ, представляла собою простую кабийскую избушку, темную, сырую и грязную. Дѣти этой школы читали плохо, понимали прочитанное и того хуже, но писали довольно красиво.

Русскій путешественникъ вынесъ изъ своего осмотра французско-алжирскихъ школъ чувство искренней симпатіи къ бѣдному, но способному племени кабиловъ и почтительное изумленіе предъ энергіей культуртрегеровъ-французовъ, заброшенныхъ по-трое, по-двое и по-одиночкѣ въ среду полу-дикарей. При всемъ этомъ, онъ не могъ не остановиться надъ двумя вопросами:—не слишкомъ ли преждевременны описанные имъ уроки морали и эстетики тамъ, гдѣ болѣе всего нуждаются въ школахъ грамоты, и не слишкомъ ли энергично стараются пришельцы заставить туземцевъ забыть свой родной языкъ?¹⁾... Отвѣты на поставленные русскимъ путешественникомъ вопросы очевидны для каждаго. Русско-туземныя школы Туркестанскаго края избѣжали обѣихъ французскихъ крайностей и стоятъ ближе всего къ типу школы Ильминскаго.

Какъ на совершенную противоположность французскому и русскому взглядамъ на образованіе туземцевъ, укажемъ на отношеніе

¹⁾ Правительственный Вѣстникъ за 1895 годъ, №№ 264 и 265.

голландцевъ къ туземцамъ острова Явы. Не будучи въ силахъ внушить туземцамъ повиновеніе себѣ численностью, голландцы, подобно своимъ индусскимъ или мусульманскимъ предшественникамъ, еще недавно заботились о содержаніи туземцевъ въ послушаніи при посредствѣ нѣкотораго рода религіознаго страха. Обязанные оказывать своимъ властителямъ такіе знаки уваженія, которые походятъ на обожаніе, явайцы оканчиваютъ тѣмъ, что, дѣйствительно, начинаютъ обожать, умолять и страшиться голландцевъ, какъ лицъ, располагавшихъ жизнью и смертью. По дорогамъ, при проѣздѣ бѣлаго, недавно еще всѣ повергались ницъ, даже на разстояніи 150 метровъ; шедшій подъ зонтикомъ торопился его закрыть, оставаясь подъ лучами пальцаго солнца и поворачиваясь спиною, изъ опасенія поднять свой взоръ до лица властителя. Передъ голландцемъ толпа соблюдаетъ религіозную тишину; получивъ письмо въ присутствіи голландца, яваецъ никогда не преминетъ передать его своему властелину для предварительнаго прочтенія.

„Для всѣхъ бѣлыхъ на Явѣ первѣйшимъ правиломъ является упореніе обаянія своей расы, что должно отдѣлять туземцевъ отъ ихъ благородныхъ властителей. Въ колоніяхъ недавно было воспрещено европейцамъ занимать мѣсто слуги, даже быть кучерами или садовниками. Офицеръ или солдатъ изъ бѣлыхъ, присужденный къ какому-нибудь позорящему его наказанію, отсылается тотчасъ же въ Голландію для понесенія кары, о которой не должны знать туземцы, такъ какъ иначе могъ бы пострадать въ глазахъ туземцевъ авторитетъ ихъ властелиновъ. На этомъ же основаніи, до 1864 года было запрещено явайцамъ изучать голландскій языкъ и посылать дѣтей въ училища бѣлыхъ: низшему созданію не слѣдовало настолько образовываться, чтобы понимать языкъ своего господина. Правда, малайцамъ, которые считались менѣе низменною расою, дозволялось обучаться голландскому языку, такъ какъ для завоевателей было необходимо создать между своими подданными розныя и враждебныя категоріи; однако чиновники не терпѣли, чтобы слуга обращался къ нимъ на благородномъ языкѣ; дома и сами чиновники говорятъ по-малайски, такъ какъ чистый нидерландскій языкъ не долженъ оскверняться, достигая до ушей профановъ (прислуги), которые при этомъ легко научились бы и понимать его. Малайскій языкъ, обиходный во всемъ Инсулиндѣ, является официальнымъ языкомъ для всѣхъ административныхъ и судебныхъ дѣлъ. Недавно онъ всегда изображался арабскими буквами; но теперь, и на письмѣ, и въ печати все болѣе и

богѣе распространяется изображеніе его при посредствѣ латинской азбуки“ ¹⁾).

Представленный очеркъ исчерпываетъ находившійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ по вопросу о начальныхъ школахъ туземнаго населенія Средней Азіи. При этомъ для всесторонняго освѣщенія образовательной и государственной задачи русско-инородческой школы считасмъ полезнымъ привести здѣсь слѣдующее мнѣніе извѣстнаго ученаго Вл. И. Ламанскаго:

„У насъ много толкуютъ и пишутъ о распространеніи русскаго языка между инородцами. Всякій языкъ распространяется внѣ предѣловъ природной своей территоріи разными способами и путями. Чѣмъ богаче народъ своею образованностью, чѣмъ выше и разнообразіе его литература, тѣмъ охотнѣе иноплеменные народы изучаютъ его языкъ. Пути сообщенія, связи экономическія, помимо даже шволь, много помогаютъ распространенію языка господствующаго въ государствѣ народа. Далѣе школа, особенно средняя и высшая, окончательно утверждастъ знаніе этого языка между инородцами образованными. Но низшая первоначальная школа тамъ, гдѣ инородцы живутъ въ глуши и захолустьяхъ, далекихъ отъ большихъ дорогъ и отъ всякихъ русскихъ поселеній, тамъ, понятно, эта школа никогда не можетъ распространить и утвердить знаній русскаго языка между инородцами. Что узнаютъ въ два, три года, въ теченіе шестимѣсячнаго хожденія въ школу, то скоро затѣмъ и забудутъ: научить говорить на чужомъ языкѣ такая школа никогда не можетъ. Веротасъ домой, дѣти всегда будутъ говорить съ отцомъ, съ матерью, въ семьѣ, у себя на улицѣ съ ребятами, конечно, только на родномъ языкѣ. Оно понятно, иначе и быть не можетъ, и жалѣть о томъ нечего. Нѣкоторые спеціалисты говорятъ, что для того надо назначать въ инородческія школы русскихъ учителей, ничего не знающихъ по туземному. Это заблужденіе и, прибавимъ, большое непониманіе задачи школы, даже великій грѣхъ. Что священникъ, что народный учитель одинаково должны быть близки къ своей паствѣ, къ своимъ ученикамъ и ихъ родителямъ, должны внушать имъ къ себѣ довѣріе и любовь, должны быть связаны съ ними и духовно и единствомъ рѣчи.

¹⁾ Элизе Реклю. Земля и люди. Всеобщая географія. томъ XIV. Океанія и Океанскія земл. С.-Петербургъ 1905 г., стр. 301—303.

Если первоначальной школѣ вмѣнить въ первѣйшую обязанность наученіе русскому языку, то все школьное время пройдетъ для ребенка совершенно безплодно: чему учили его, онъ скоро позабудетъ и не узнаетъ ничего, что должна дать знать первоначальная школа. „Какъ же русскіе подданные не будутъ знать русскаго языка?“ Не будутъ, какъ не знали и прежде, а узнаютъ и научатся ему, когда новыя дороги, новыя промыслы, или торговыя связи, или появленіе въ со-сѣдствѣ русскихъ поселенцевъ, словомъ—живыя связи и отношенія распространять русский языкъ въ этой инородческой глуши. Уважать Россію и русскаго Царя тысячи, десятки, сотни тысячъ инородцевъ нашихъ давно привыкли, и не зная русскаго языка. Любви и уваженію еще скорѣе научить народная школа съ языкомъ роднымъ. Какъ бы на нашъ взглядъ тотъ или другой инородческой языкъ ни былъ простъ, грубъ, бѣденъ, онъ милъ и дорогъ ребятамъ и ихъ родителямъ. За такую милую школу они еще больше полюбятъ и больше прежняго будутъ почитать Царя и Россію. Не надо никогда забывать, что инородецъ, презрительно отзывающійся о своей народности на ломанномъ русскомъ языкѣ, есть явленіе глубоко противное, и всякій трезвый добпорядочный крестьянинъ-инородецъ, не знающій ни слова по-русски, во сто, въ тысячу разъ для Россіи полезнѣе отбившагося отъ родного своего народа и дѣла любого разбитнаго, но малопорядочнаго инородца, даже хорошо знающаго по-русски... Въ значительной части нашего образованнаго или полубразованнаго общества слышны нерѣдко самыя дикія и грубыя мнѣнія и выраженія объ инородцахъ. Это совсѣмъ не по христіански, да и большое заблужденіе, великій предрасудокъ. Это рѣшительно наше несчастье! Пора, давно пора понять, что начало разнообразія только пополняетъ и оплодотворяетъ начало единства: „каждую особенную народность жизни и слова, по прекрасному замѣчанію Срезновскаго, можно сравнить съ особеннымъ музыкальнымъ тономъ: каждая необходима, каждая самобытна, хотя и сливается съ другими“...

„Вообще говоря, многіе недостатки нашей образованности, нашей администраціи, всей нашей полупраздной и сонной провинціальной жизни объясняются господствующимъ въ провинціальномъ, да и столичномъ обществѣ равнодушіемъ, пренебреженіемъ и невѣжествомъ, часто весьма не нравственнымъ презрѣніемъ къ инородцамъ, среди коихъ живутъ русскіе образованные люди иногда цѣлыя десятки лѣтъ, не научась ни одному изъ этихъ языковъ, не ознакомившись съ мѣстнымъ населеніемъ... Знаніе этихъ языковъ крайне необходимо и рус-

скимъ чиновникамъ, имѣющимъ съ инородцами непосредственныя сношенія. Пошлымъ важничаньемъ, безсмысленными криками въ Петербургъ или въ Москвѣ, при полномъ незнаньи мѣстныхъ условій, мы такъ называемаго русскаго дѣла нигдѣ не подвинемъ, русскаго знамени нигдѣ не водрузимъ и высоко держать не будемъ. А, между тѣмъ, въ ущербъ самымъ важнымъ интересамъ государства цѣлыя области и народности управляются черезъ русскихъ чиновниковъ, находящихся въ рукахъ переводчиковъ и толмачей, или черезъ чиновниковъ изъ инородцевъ же, только ненавидимыхъ народностями управляемыми. Такъ почти весь Кавказъ, а не армянская его часть, управляется у насъ армянами, коихъ остальные многочисленные инородцы Кавказа весьма не долюбиваютъ. Такъ литовцы у насъ оставлены подъ сильнымъ вліяніемъ польскимъ "...¹⁾ и т. д.

Туркестанскаго края профессоръ, по всей вѣроятности, не знаетъ и о постановкѣ въ немъ инородческаго образованія не имѣетъ побужденій говорить, и тѣмъ дороже для насъ его взглядъ на родной языкъ вообще въ инородческой школѣ, какъ вполне совпадающій со взглядомъ Ильминскаго, школьную систему котораго обсуждала общая коммиссія при нашемъ министерствѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1905 года.

На основаніи всего изложеннаго о начальномъ инородческомъ образованіи въ Туркестанскомъ краѣ слѣдуетъ прийти къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Русское правительство обязано заботиться о распространеніи образованія среди всего туземнаго населенія по манифесту 17-го октября 1905 года;

2) школьная система инородческаго образованія, не посягая на національныя и религіозныя особенности дѣтей инородцевъ, должна развивать ихъ умственныя и нравственныя понятія и тѣмъ самымъ способствовать сближенію инородцевъ съ господствующимъ (русскимъ) народомъ, съ которымъ они составляютъ одно государственное цѣлое;

3) туземные мактабы могутъ продолжать свое существованіе, но по желанію самого туземнаго населенія методъ обученія въ нихъ можетъ быть улучшенъ, а программа расширена примѣнительно къ типу русско-туземныхъ школъ;

---

¹⁾ С.-Петербургскія Вѣдомости отъ 6 марта 1896 г. № 64. Ст. „Объ инородческихъ языкахъ“. Ср. замѣчательное мнѣніе объ этомъ предметѣ, напечатанное въ „Сборникѣ документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ“. С.-Петербургъ 1869 г., стр. 317 и слѣд.

4) въ русско-туземныхъ школахъ русскій языкъ изучается не только какъ языкъ государственный, но и какъ языкъ высшей культуры, литературы и науки, открывающій дѣтямъ-инородцамъ общую съ дѣтьми русскаго народа дорогу въ русскую правительственную школу, какъ среднюю, такъ и высшую;

5) принятая въ русско-туземныхъ школахъ система обученія русскому языку можетъ не подлежать ломкѣ, такъ какъ она оправдываетъ себя на опытѣ, но она не исключаетъ потребности въ знаніи инородческаго языка въ лицѣ русскихъ учителей, назначенныхъ въ инородческія школы;

6) въ видахъ распространенія среди учащихся въ этихъ школахъ элементарныхъ, научныхъ и практическихъ знаній, на туземныхъ языкахъ издаются популярныя брошюры по исторіи, географіи, физикѣ, естествовѣдѣнію и проч.;

7) изученіе русскаго языка въ реформированныхъ туземныхъ школахъ дастъ дѣтямъ-туземцамъ возможность подготовляться въ низшіе классы средней русской школы и открываетъ имъ путь къ высшему образованію и

8) для подготовленія на учительскія должности въ туземныхъ школахъ края большаго числа инородцевъ необходимо увеличить число инородческихъ стипендій при мѣстной учительской семинаріи.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

Мактавы у киргизъ Сыръ-Дарьинской области.

Киргизы, до принятія мусульманства, своей народнои школы не имѣли, потому что у нихъ не было своей грамоты; съ принятіемъ ислама киргизы стали усваивать общемусульманскій арабскій алфавитъ и при помощи татаръ стали заводить въ своихъ кочевьяхъ школы грамоты. Школы эти называются у киргизъ общимъ для всѣхъ мусульманъ арабскимъ именемъ „мактабъ“. Киргизы, живущіе въ городахъ вмѣстѣ съ сартами, обучаются мусульманской грамотѣ въ сартовскихъ мактабахъ. Я опишу мактабъ гор. Аулие-ата, въ которомъ учился самъ. Нашъ мактабъ занималъ одну комнату съ землянымъ поломъ, въ которой могли помѣщаться отъ 10 до 30 мальчиковъ. Въ теплое лѣтнее время года ученики мактаба сидѣли на полу на разостлан-

ныхъ камышевыхъ плетенкахъ, а зимой—на войлокѣ ¹⁾). Иногда, хотя очень рѣдко, школа помѣщается въ какомъ-нибудь частномъ домѣ, но всегда по близости отъ мечети. Учитель (дамулла) обыкновенно приглашается съ согласія всего прихода мечети, а иногда наиболѣе вліятельными лицами прихода. Въ большинствѣ случаевъ, учителемъ является имамъ той же самой мечети, при которой находится школа. Иногда учителемъ мактаба бываетъ „азанчи“ ²⁾, который также называется „муэдзиномъ“ или „суфи“. Обыкновенно при мактабѣ бываетъ одинъ учитель; если же учениковъ много, то учитель выбираетъ изъ среды учениковъ помощниковъ (хальфа), которые занимаются съ нѣкоторыми группами младшихъ учениковъ.

Въ школу поступаютъ дѣти 6—8 лѣтняго возраста, и опредѣленіе ихъ совершается безъ всякихъ формальностей—безъ прошенія и безъ метрики. Обыкновенно отецъ или другой кто-нибудь изъ родственниковъ приводитъ мальчика въ школу и говоритъ учителю: „Уважаемый господинъ! Мы поручаемъ вамъ своего сына. Воля ваша: бейте его, ругайте его; лишь бы онъ научился читать. *Мясо сію — ваше; а кости — наши*“. При такомъ полномочіи, учителя мактаба всегда пользуются своимъ правомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Иногда они забиваютъ своихъ малолѣтнихъ (6—8 лѣтн.) учениковъ такъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ волей-неволей приходится бѣгать отъ ученія и плакать, когда ихъ родители заставляютъ идти въ школу. Учителя мактабовъ изобрѣтательны на разные наказанія. Но какъ бы учитель ни былъ жестокъ и изобрѣтателенъ въ этомъ отношеніи, т. е. въ наказаніяхъ, ученики боятся его и уважаютъ. Чѣмъ же объяснить это? Русскій, конечно, удивится этому и будетъ недоумѣвать; но для насъ — киргизъ гдѣтъ ничего удивительнаго въ этомъ фактѣ, потому что мы такъ привыкли думать, такъ воспитаны. Да, много значить въ жизни домашнее воспитаніе. Когда Ширъ-Али (отецъ Худояра) вступилъ на кокандскій престолъ и запретилъ казнить своихъ враговъ, попавшихъ ему въ руки, то все государство пришло въ недоумѣніе; всѣ ждали, что новый ханъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, предастъ казни своихъ противниковъ, но онъ, воспитанный среди киргизъ около г. Аулие-ата и не привыкшій проливать человѣческую кровь, не только не велѣлъ казнить ихъ, но и совѣмъ простилъ ихъ.

¹⁾ Въ бѣдной матеріальными средствами школѣ дѣти располагаются на соломѣ.

²⁾ Такъ называется выкрикивающій съ минарета мечети приглашенія къ молитвѣ и замѣняющій звоняря, такъ какъ у мусульманъ колоколовъ при мечети нѣтъ.

Тогда всѣ ферганцы, привыкшіе къ другимъ взглядамъ, стали говорить, что новый повелитель ихъ плохой, пустой человѣкъ (бушъ кеше). Такъ, ферганцы, привыкшіе къ жестокости правителей, прозвали мягкаго по характеру хана такимъ презрительнымъ именемъ. У мусульманъ есть повѣрье, что тѣхъ мѣсть ученическаго тѣла, по которымъ ударяла палка дамуллы, не будетъ касаться адскій огонь¹⁾. Такое вѣрованіе указываетъ на то, что учитель наказываетъ не напрасно, не безъ цѣли, а лишь для того, чтобы научить дѣтей читать и писать. Обучая буквослагательнымъ способомъ, учитель поневолѣ долженъ прибѣгать къ разнаго рода наказаніямъ, такъ какъ этотъ методъ обученія скорѣе отгалкиваетъ, нежели привлекаетъ къ ученью.

Самое обученіе въ мактабахъ идетъ такимъ образомъ: сначала учитель заставляетъ заучивать наиболѣе употребительныя молитвы на арабскомъ языкѣ, а затѣмъ переходитъ къ азбукѣ; за немѣнѣемъ бумаги азбука пишется на дощечкѣ и заучивается отъ начала до конца наизусть, какъ это было и въ русскихъ школахъ до введенія звукового метода, т. е. когда заучивались названія буквъ, а не самые звуки. Послѣ этого все написанное на дощечкѣ стирается, а иногда просто-на-просто слизывается языкомъ съ вѣрою въ то, что слизанныя буквы, которыя были написаны на дощечкѣ, впитываются въ голову ученика и навсегда остаются въ его памяти. Послѣ азбуки ученики переходятъ къ складамъ, или вѣриге—къ строчнымъ и подстрочнымъ знакамъ и въ этомъ отдѣленіи остаются мѣсяца два-три, а иногда и больше, потому что складовъ всего 174. Затѣмъ ученикъ переходитъ къ чтенію первой арабской книги „Хафтѣякъ“, а потомъ къ корану. „Хафтѣякъ“ есть седьмая часть корана, а коранъ написанъ на арабскомъ языкѣ, и потому ученикъ, а иногда самъ учитель, не отдавая себѣ отчета въ содержаніи текста, читаютъ эти книги чисто механически, — точно такимъ же образомъ, какъ и при чтеніи складовъ. За кораномъ слѣдуетъ чтеніе книгъ: Чоръ-Китабъ, Суфи-Аллаяръ, Ходжа-Хафизъ, Фузули, Бедиль и др. Всѣ эти книги, за исключеніемъ Чоръ-Китаба, представляютъ сборники стихотвореній религіознаго и мистическаго характера, очень трудно усвояемыхъ не только мальчиками, но и взрослыми. Изъ этихъ книгъ только „Суфи-Аллаяръ“ на тюркскомъ языкѣ, а всѣ прочія на персидскомъ. При чтеніи „Суфи-Аллаяра“ ученики начинаютъ учиться письму. Пишутъ „калямомъ“,

¹⁾ Это вѣрованіе настолько еще крѣпко держится среди мусульманъ, что одинъ ташкентскій дамулла помѣстилъ его въ книгу для чтенія, которая не была разрѣшена къ печати. Н. О.

т. е. тростниковымъ перомъ и тушью; въ настоящее время учащіяся въ мактабахъ пишутъ карандашомъ или стальнымъ перомъ; но это только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Ташкентѣ и въ нѣкоторыхъ татарскихъ школахъ. Въ общемъ обученіе въ мактабѣ продолжается отъ 5-ти лѣтъ до 7-ми и даже до 10 лѣтъ, послѣ чего способный ученикъ, окончательно утвердившійся въ механизмѣ письма и чтенія, считается пригоднымъ въ „мирзы“, т. е. въ писцы. Ищущіе дальнѣйшаго образованія поступаютъ въ мадрасу и называются „талибульильмъ“, т. е. ищущими знанія, студентами.

Вознаграждается учитель мактаба всегда почти хлѣбомъ. Онъ получаетъ условленную плату, но менѣе одного пуда пшеницы въ годъ за каждаго учащагося и, кромѣ того, время отъ времени — мелкіе подарки деньгами и продуктами, что называется у насъ: „панчшамбликъ“, т. е. четверговья приношенія. Размѣры этихъ приношеній зависятъ отъ благосостоянія тѣхъ семействъ, къ которымъ принадлежатъ учащіяся дѣти. По прочтеніи учащимися каждой отдѣльной книги (хафтіякъ, коранъ и др.), учитель получаетъ отъ родителей учениковъ особые подарки, при чемъ когда будетъ пройденъ самый трудный отдѣлъ, т. е. при переходѣ отъ Хафтіяка къ корану, киргизы всегда (если они болѣе или менѣе состоятельны) дарятъ учителю нѣсколько хорошихъ халатовъ, или хорошую лошадь, или верблюда среднихъ лѣтъ. Никакихъ расписаній, никакой программы и никакого контроля надъ занятіями учениковъ въ мактабѣ нѣтъ: никакихъ книгъ, кромѣ затверживаемыхъ на память, ученики мактаба не читаютъ, да и книгъ для дѣтскаго возраста у мусульманъ нѣтъ. О методахъ и дидактикѣ, о наглядныхъ пособіяхъ въ мактабахъ и помина нѣтъ. Поэтому только способные ученики выносятся изъ своей школы умнѣе читать и писать, а малоспособные прекращаютъ ученіе на половинѣ и часто забываютъ то, чему учились съ такимъ трудомъ въ своей мактабѣ.

Воспитанникъ Туркестанской учительской семинаріи *Байшамировъ*.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

Мактабы у туркменъ Закаспійской области ¹⁾.

Большою частью мактабы туркменъ расположены въ населенныхъ мѣстахъ (аулахъ), но встрѣчаются и въ кочевьяхъ (въ пескахъ), гдѣ

¹⁾ При чтеніи этой замѣтки полезно сравнить стр. 98—99 Сборника матеріаловъ

туркмены живутъ разбросанно, по нѣскольку кибитокъ вмѣстѣ. Мактабы населенныхъ ауловъ существуютъ съ давнихъ временъ и дѣйствуютъ самостоятельно, а въ пескахъ мактабы находятся въ зависимости отъ богатыхъ туркменъ, которые поддерживаютъ ихъ существованіе своими средствами. Какъ въ аульныхъ, такъ и въ степныхъ мактабахъ учатъ такъ называемые ахуны и муллы. Муллами называются учителя, получившіе низшее образованіе, а ахунами—высшее.

Тѣ изъ ахуновъ, которые ведутъ свой родъ отъ халифовъ, называются, въ отличіе отъ прочихъ учителей, *ишанами*. Большинство ахуновъ получаютъ первоначальное образованіе въ нашихъ же туркменскихъ мактабахъ, а потомъ отправляются въ мадрасы Бухары и Хивы для высшаго образованія.

Во всѣхъ мактабахъ ученіе бесплатное, и ученики принимаются всѣхъ возрастовъ. Въ аульныхъ мактабахъ ученики размѣщаются въ такъ называемыхъ „хучра“, т. е. конусообразныхъ глиняныхъ мазанкахъ, съ однимъ окошечкомъ; поэтому свѣта тамъ маловато, и все помѣщеніе имѣетъ около 68 куб. аршинъ. Обыкновенно въ одной изъ такихъ мазанокъ помѣщается классъ; другая постройка служитъ столовой, а третья—спальной. Иногда въ одной такой мазанкѣ учатся болѣе десяти туркменскихъ мальчиковъ. Мактабы степные помѣщаются въ шалашахъ (куме), которые не хорошо защищены отъ непогоды.

Способъ ученія во всѣхъ мактабахъ однообразный, старинный, общемусульманскій. Прежде всего учитель пишетъ на четвертушкѣ бумажнаго листа всѣ буквы общемусульманскаго арабскаго алфавита, для каждаго ученика отдѣльно, и каждый ученикъ долженъ затвердить названія всѣхъ написанныхъ на бумагѣ буквъ. Дѣти состоятельныхъ родителей приносятъ съ собою въ мактабъ особую дощечку съ ручкой (тахта), на которой учитель пишетъ буквы алфавита, какъ и на бумагѣ для бѣдныхъ учениковъ. Заучиваются названія буквъ одновременно всѣми учениками, вслѣдствіе чего въ школѣ слышится большой шумъ. Обыкновенно дѣти усаживаются на корточки и, покачивая своими головами и туловищемъ, заучиваютъ на память буквы, что продолжается съ утра до вечера. Выучившій свой урокъ ученикъ подходитъ къ учителю, становится передъ нимъ на колѣни и произноситъ заученныя названія. Если онъ нетвердо еще запомнилъ наз-

---

по мусульманству. Томъ второй (Ташкентъ 1900), ст. О. Михайлова „Религіозныя воззрѣнія туркменъ Закаспійской области“. Н. О.

ванія всѣхъ буквъ, то учитель подвергаетъ его наказанію (см. ниже) и не даетъ ему новаго урока до тѣхъ поръ, пока весь алфавитъ не будетъ заученъ безошибочно. На этотъ первый урокъ ученикъ тратитъ иногда нѣсколько недѣль, упражняя свою память не только въ школѣ, но и дома, гдѣ помогаютъ ему родители, если они сами грамотные. Такъ повторяется нѣсколько разъ. Наконецъ, когда бѣдный ученикъ черезъ нѣсколько недѣль будетъ читать безошибочно весь алфавитъ, тогда учитель задаетъ ему второй и третій урокъ, которые состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ буквъ, но со знаками надстрочными и подстрочными. На четвертомъ примѣрно урокѣ учитель снова пишетъ на бумагѣ тѣ же самыя двадцать восемь буквъ, но не ставитъ по порядку, а измѣняетъ ихъ правильный порядокъ, т. е. какая буква была впереди, ту онъ ставитъ назади или въ серединѣ, и такъ поступаетъ со всѣми буквами. Словомъ, учитель дѣлаетъ такъ, что буквы не стоятъ на своихъ мѣстахъ, какъ прежде. И надъ этимъ урокомъ бѣдный туркменскій мальчикъ бьется столько же, сколько и надъ первыми уроками, потому что, заучивъ раньше названія буквъ наизусть въ ихъ порядкѣ, онъ сбивается въ порядкѣ ихъ произношенія, не можетъ запомнить тѣ же названія въ другомъ порядкѣ. Счастливые ученики, обладающіе хорошою памятью, иногда цѣлый годъ трудятся надъ заучиваніемъ чуждаго для нихъ алфавита и тогда уже приступаютъ къ чтенію книгъ.

Первою книгою для чтенія служатъ „Хафтьякъ“. Книжка эта написана на чуждомъ для туркменъ арабскомъ языкѣ, и туркменскія дѣти, не понимая значенія заучиваемыхъ словъ, зубрятъ наизусть написанные въ „Хафтьякъ“ священные тексты. Вторая книга—полный коранъ, священная книга для мусульманъ, содержащая въ себѣ разные религиозные и гражданскіе законы. Третья книга „Новракъ“, четвертая—„Сопи“ и пятая „Нован“. Послѣднія три книги написаны на туркменскомъ языкѣ и содержатъ въ себѣ объясненія и наставленія религиознаго характера—о главныхъ обрядахъ мусульманъ, о наградахъ за благочестивыя дѣла и о наказаніяхъ за грѣхи, за нарушеніе правилъ шаріата. Самая послѣдняя книга, входящая въ программу мактаба, — „Ходжа-Хафизъ“, написанная на персидскомъ языкѣ. Больше этихъ книгъ въ мактабѣ не проходятъ, и этимъ ограничивается начальное образованіе туркменъ. Специальныхъ уроковъ по чистописанію въ туркменскихъ мактабахъ нѣтъ; желающіе писать сами учатся этому искусству: мальчикъ беретъ бумагу и проситъ кого-нибудь показать ему, какъ писать буквы, или же самъ начи-

наеть выводить арабскія буквы и постепенно научается письму. Поэтому среди туркменъ хорошіе каллиграфы встрѣчаются рѣдко, и скорописный почеркъ ихъ не отличается изяществомъ.

Наказанія, практикуемыя въ мактабахъ, бывають очень строгія и иногда болѣзненные. Мулла (учитель) является безконтрольнымъ лицомъ въ мактабѣ: онъ наказываетъ, сколько хочетъ и какъ хочетъ, потому что родители учениковъ, когда приводятъ дѣтей въ школу, говорятъ муллѣ: „Кости мои, а мясо твое“. Это значитъ, что учитель можетъ наказывать своихъ учениковъ по разнымъ частямъ тѣла, лишь бы оставались цѣлы кости его. У туркменъ есть повѣрье, что въ аду тѣ мѣста тѣла, по которымъ билъ школьный учитель, не будутъ горѣть въ адскомъ огнѣ. Самымъ употребительнымъ орудіемъ наказанія учениковъ въ мактабѣ служитъ длинная палка, толщиною въ большой палецъ и болѣе. Учитель сидитъ среди учениковъ и этой палкой ударяетъ по спишѣ лѣнивыхъ и невнимательныхъ учениковъ, а также и за шалости. За болѣе грубыя шалости и особенно за дерзости виновнаго ученика подвѣшиваютъ на веревкѣ за ноги, головой внизъ, и затѣмъ кто-нибудь изъ учениковъ, по приказанію учителя, бьетъ его палкой по подошвамъ ногъ. Ученикъ плачетъ, но его не отвязываютъ, пока не дадутъ ему десять-двадцать ударовъ. По окончаніи наказанія, учитель оставляетъ этого ученика безъ пищи до вечера, и ученикъ, возвратившись домой, боится говорить объ этомъ отцу, потому что отецъ можетъ еще отъ себя вторично наказать своего сына.

Весь курсъ ученія въ мактабѣ продолжается иногда десять лѣтъ; но нѣкоторые ученики прекращають ученье года черезъ два, потому что, при отсутствіи методическихъ приемовъ обученія, не дѣлають хорошихъ успѣховъ. Кромѣ того, обстановка въ туркменскихъ мактабахъ тяжелая и вредная для здоровья дѣтей: въ классной комнатѣ темно и сыро, а зимою холодно. Поэтому многіе ученики заболѣвають, а иные даже умирають. Часто дѣти болѣють глазами (трахома).

Особенность туркменскихъ мактабовъ состоитъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ мальчиками учатся и дѣвочки, большею частью только два или три года. Дѣвочки имѣють тотъ же возрастъ, что и мальчики, т. е. отъ 10 до 15-ти лѣтъ, и при этомъ никакихъ глупостей между учащимися не бываетъ: только дѣвочки составляютъ всегда особый рядъ въ школѣ, отдѣльно отъ мальчиковъ. Если же мальчикъ обидитъ дѣвочку, то учитель строго (болжно) накажетъ виновнаго.

Окончивъ образованіе въ мактабѣ, туркмены возвращаются въ свои аулы учить дѣтей, вѣнчать, хоронить; они же пишутъ и молитвы противъ болѣзней и за все это получаютъ вознагражденіе отъ населенія. Нѣкоторые же ѣдутъ въ Бухару продолжать образованіе, откуда возвращаются ахунами, и туркмены встрѣчаютъ ихъ съ почтеніемъ.

Воспитанникъ Туркестанской учительской семинаріи *М. Атабаевъ*.

И. Остроумовъ.